S-T-I-K-S. Лучник (свежак)

Автор:
Валерий Шмаев

S-T-I-K-S. Лучник (свежак)

Валерий Геннадьевич Шмаев

S-T-I-K-SМиры Артёма Каменистого

В жизни Имперского егеря случалось всякое, но попадания в иной мир он совсем не ожидал. Переживать невзгоды и опасности можно и в одну ха… в смысле в одно лицо, но в компании верных друзей и невзгоды не беда и опасности не сильно страшны, а уж если появились новые умения, которые в этом мире зовутся дарами…

Валерий Шмаев

Лучник (свежак)

© Каменистый Артём (Мир S-T-I-K-S, его устройство и терминология)

© Шмаев Валерий

© ИДДК

* * *

Пролог

Чуть более девяти годков назад.

– Ну и на какой неприличный орган мне этот мелкий звездюк? – возмущённо проскрипел приехавший недавно гранд-майор.

Последнее слово прозвучало несколько иначе, но Платон Гордеев ни капельки не обиделся. Росточком он и правда не удался, и до физических стандартов корпуса пластунов немного не дотягивал, однако сюрпризов экзаменаторам приготовил мама не горюй. И даже не все из этих сюрпризов пока реализовал.

– Нет! Вы только посмотрите на эту деревенщину! Ты из-за этого обалдуя меня в свою тьмутаракань вызвал? Мать-перемать… в-мать-на-батянин-мать-батяню-мать-кошку-Мурку-мать-собаку-Лорда-мать-кошка-Мурка-собаку-Лорда-(как такое вообще возможно?) – мать-и-бедную-бабушку в придачу (святую женщину, между прочим).

Выдавший эту, скажем так, совсем не интеллигентную тираду мужчина был возмущён, но возмущённым не выглядел. Просто общение подобным образом давно стало практически профессиональным сленгом для хорошо послуживших отечеству воинов.

Двое всё повидавших на своём веку старших офицеров стояли у распахнутого окна и недоумённо взирали на развалившегося на скамейке в тени раскидистого клёна малолетнего коротышку. Пожилой, седой как лунь, губернский военком в привычном всем повседневном полевом камуфляже и кряжистый гранд-майор элитной имперской дивизии пластунов. Первой Гвардейской дивизии Его Императорского Величества отдельного корпуса пластунов.

Ну, да. Эстетом Платон Гордеев не выглядел. Поношенные охотничьи джинсы – их в народе бредунами кличут, чёрная безразмерная футболка-алкоголичка и камуфлированная куртка горного стрелка, видимо, купленная на распродаже списанного армейского шмотья.

Обут в растоптанные говнодавы, выданные тридцать с лишком лет назад егерю имперских угодий. Сия не имеющая сноса обувка, вероятнее всего, передаётся в данной семье из поколения в поколение по наследству. Этим ботинкам сносу нет, если в них не разгуливать по лаве только что проснувшегося камчатского

вулкана.

На непокрытой, в такт неслышной со второго этажа музыки, качающейся голове, видавшие виды потёртые наушники, а на простодушном лице цветёт по-детски мечтательная улыбка.

– Деревенщина говоришь! – Военком сказал это пугающе спокойно и тут же продолжил. – Этот «мелкий звездюк» прямо сходу изъявил желание служить в первой гвардейской дивизии пластунов, где, как оказалось, служили его отец и любимый дедушка. Кстати, оба кавалеры «Десантного» и «Чёрного» крестов. Отец, правда, «Чёрным крестом» награждён посмертно. Вот и получил он от меня задание искупаться в городском фонтане, пройдя восемь кругов охраны от местных городовых до гренадёров тяжёлого штурмового полка. Гренадёры за городом квартируют и с удовольствием согласились поучаствовать в развлечении. На свою голову. Да и я, старый недоделок, посмеяться удумал. Никому это не удавалось – все на гренадёрах среза?лись. А в тот день как раз разведывательный эскадрон под командованием ротмистра Чернова вяло бил баклуши на теоретических занятиях. Командир полка отрядил мне в помощь разведчиков и милостиво разрешил пойманного «диверсанта» слегка покошмарить. Необходимо было срочно почистить полковые сральники, а собственных солдат привлекать под это дело моветон-с.

– И что? – в голосе гранд-майора прозвучало любопытство.

– Прошёл все посты, но как прошёл, мерзавец! Сунул денег водителю ассенизаторского экраноплана с полным контейнером высококачественных экскрементов и попросил подождать его рядом с парком развлечений, что располагается сразу за комплексом зданий нашего ГВП. А сам – урод! – военком в сердцах сплюнул в окно. – Вырубил офицерскую группу быстрого реагирования, с комфортом расположившуюся в комнате психологической релаксации, упёр из оружейки скафандр высшей биологической защиты и доехал до фонтана у губернаторского дворца с комфортом. Ни один пост говнососку не проверил, даже гренадёры побрезговали. Они его только сканером проверили, а универсальный сканер небиологический скафандр в упор не замечает. После чего этот деревенский ухарь отстрелил закреплённые на контейнере дымовые гранаты и залез в фонтан. Дым рассеялся – экраноплана с фекалиями и след простыл, а он в фонтане плещется прямо в скафандре. Едрить его в бога душу мать. Удод деревенский! Мать его ети раз по девяти, бабку в спину, да деда в плешь. Пришлось списывать все эти художества на

внеплановую проверку сил охраны города. Иначе скандала было не избежать. Зато фонтан почти сутки благоухал всеми ароматами общественных туалетов парка развлечений, пока его зубными щётками не отдраили проштрафившиеся гренадёры. Они, кстати, уже третьи сутки всем полком в полной боевой выкладке бегают по полигону. Сам понимаешь, как теперь разведэскадрон «любят» в полку. Городовые тоже в стороне от раздачи подарков не остались. У каждого из участвовавших в оцеплении недоумков на ближайшие полгода новая должность образовалась – воскресный квартальный дворник. Господин городской полицмейстер пообещал лично их работу проконтролировать. Ну а ГБР во главе с ротмистром Смолянским уже третьи сутки в карцере отдыхают. Это кроме подпоручика Засветова. Ему звездюк шейные позвонки со смещением вынес – и подпоручик будет теперь целый месяц изучать изнутри госпитальные порядки. Господин генерал-майор медицинской службы, начальник окружного госпиталя, клятвенно пообещал мне лично консультировать ежедневную постановку этому героическому воину клизмы со скипидаром и патефонными иголками. Даже не представляю, где он их в таком количестве возьмёт. Все остальные господа офицеры, расписывающие «пулю» на необременительном дежурстве, насладились изрядной порцией сонного газа и в ближайший месяц примутся перенимать у гренадёров опыт чистки городских фонтанов и всех отхожих мест ГВП. Зубные щётки я, так и быть, куплю мужественным господам офицерам за собственные средства. Очень хочется посмотреть, знаешь ли, как утончённый ротмистр Смолянский, стоя в четырёхточечной фривольной позе, будет вычищать унитазы за кандидатами в доблестные императорские войска. Этот звездюк резкий как понос. Вчера в столовой пробил «фанеру» старшему унтер-офицеру Бергману за неудачно сказанные им слова в адрес собственных родственников звездюка – унтера еле откачали. А что мы этому малолетнему засранцу предъявим? Он в своём праве – ещё гражданский, да и видеофиксаторы в столовой всё до последнего звука записали. Поскольку «мелкий» в данное время гражданское лицо, то он может совершенно безбоязненно поделиться этой воняющей фекалиями историей с каким-нибудь писакой и скандал вспыхнет до небес. В этом случае Бергману придётся принести официальные публичные извинения через «Губернские Новости» и покинуть наши ряды. Сам знаешь, какое у гражданской публики отношение к вербовочным пунктам. Только поэтому этого деревенского звездюка никто пока не прибил, а он только молчит, гадёныш, и всем дружески улыбается. Заодно и я «посмеялся»: ты бы слышал, как меня на личном приёме драл губернатор за все эти чудачества. Пару связок я новых услышал. Хорошо, что его превосходительство из наших – двадцать пять лет командовал штурмовиками в Ченстохоновском гвардейском корпусе. Пришлось рассказать всё от начала до конца. Губернатор сразу в эту пикантную историю не поверил, а потом

посмеялся и сказал, что рекомендацию в учебный штурмовой полк выпишет собственноручно. Мне только такого позора не хватает на мою седую голову, – военком прервался, угрюмо глядя в только ему ведомую точку на плацу.

Гранд-майор прекрасно понимал своего сослуживца и наставника. После такого конфуза хоть стреляйся. Если кандидат в корпус пластунов без попытки сдачи нормативов будет отправлен в штурмовой корпус, полковнику останется только уйти в отставку. Да и то, если сам успеет. Господа офицеры могут и на дуэль вызвать до смерти виновника несмываемого для большей части офицеров-пластунов позора. Великолепное завершение многолетней карьеры.

– А этому «герою» на всё по хрену, – продолжил полковник. – Он уже третий день ваньку валяет: жрёт как не в себя, тренируется да спит от отбоя до подъёма. Но есть одна необъяснимая странность… Два дня он всё своё свободное время на тренажёрах проводил, а как ты приехал, на скамейку переместился. Как чувствует, что ты по его душу подтянулся.

– Погоди, Старый! Как ты говоришь, его фамилия? – Спросил озадаченный гранд-майор.

– Вспомнил наконец-то? Платон Гордеев. Сын Тихона Гордеева – героя Акадийского конфликта. Старший сын Тихона пропал без вести в провинции Эль-Джашуд. Дослужился до старшего унтер-офицера во втором разведывательном батальоне. Погиб смертью храбрых – остался прикрывать остатки своей разведгруппы и сгинул с концами. Сам помнишь, какая мясорубка тогда была. Посмертно награждён орденом Святого Георгия. Средний сын – магистр Нижегородского технологического университета. А это младшенький – ему всего двадцать один год, но он уже чемпион Империи по стрельбе из боевого лука, а в прошлом году стал третьим по пластунскому десятиборью. Видимо, поэтому семья Гордеевых постановила, что в армию идти ему, а не среднему сыну. Тот недавно женился и у него двойня родилась. Так что по поправкам к императорскому уложению от двадцать седьмого года средний сын со службой пролетает и служить отечеству младшему Гордееву.

– Ладно. Давай на него посмотрим, – всё так же, не отрывая взгляда от необычного призывника, задумчиво сказал гранд-майор, а мелкий звездюк встал и, не торопясь, направился прямо к центральному входу в ГВП.

Как будто чувствовал, что говорят именно о нём.

Глава 1

Отставной гранд-прапорщик Первой Гвардейской Императорской дивизии пластунов Платон Гордеев подкинул пару поленьев в топку древней печки и закрыл массивную чугунную дверцу.

«Посмотрели», – Платон усмехнулся, воскрешая в памяти такие далёкие, но невообразимо приятные для него события.

До входа призывник так и не дошёл, как будто растворившись в знойном мареве июльского полудня. Дежурный по контрольно-пропускному пункту старший фельдфебель Каледин божился, что мелкий звездюк через дежурный караул не проходил.

Расстояние от скамейки на Аллее Погибших Героев до КПП сто тридцать два метра. Пропасть просто нереально, но звездюк как сквозь землю провалился.

Просмотрели записи камер наружного наблюдения. Деревенский увалень, не торопясь дошёл до крыльца, вышел из поля зрения фронтальных видеофиксаторов и… исчез. Куда делся этот мелкий засранец, никто так и не понял. Обзорные видеофиксаторы, что стоят на углах здания, мигнули и отключились на две минуты семь секунд, что само по себе было чрезвычайным происшествием околовселенского масштаба.

Военком поднял техников видеоконтроля, дежурную роту и три учебные роты призывников и устроил для всего персонала вверенной ему части весёлую развлекательно-познавательную игру под названием «найти мелкого звездюка, пока не началось».

Зная, что господин полковник влёгкую устроит это «началось» всем служащим ГВП, включая привлечённых на время призыва гражданских специалистов, звездюка искали с просто-таки фантастическим рвением.

Полтора часа всё это сборное стадо, возглавляемое медленно закипающим, как самовар, господином полковником, изображало лёгкий детский крик на лужайке. Результат – хрен по деревне. То есть, удивителен своей непредсказуемостью.

Одного призывника ударило током на тактическом симуляторе. Какого мужского полового органа он там делал, никто внятно объяснить так и не сумел. Шестеро споткнулись об унтер-офицерские кулаки, и один старший фельдфебель удостоился дружеских поглаживаний от не далее как четырьмя минутами ранее отодранного господином полковником штабс-капитана Гельшмана-Ревельского.

В принципе, через пару дней из санчасти старшего фельдфебеля выпишут, а несколько позднее обязательно в извращённой форме поимеют за то, что тактический симулятор вообще бьёт током всяческих остолопов.

Обед с весёлым свистом пролетел мимо всех участников этого необычного для служащих ГВП времяпровождения, отчего все резко полюбили «эту деревенщину». Эпитеты в адрес юного, но такого необычного призывника были много разнообразнее и значительно эмоциональнее.

Через один час тридцать девять минут доведённый собственными подчинёнными до белого каления господин полковник, сопровождаемый всё больше недоумевающим гранд-майором, вошёл в свой собственный кабинет и обнаружил мелкого звездюка спокойно сидящего за столом губернского военкома и неспешно попивающего чай из личного самовара хозяина кабинета.

Надо сказать, что господин полковник оказался человеком железной выдержки и просто-таки поразительного такта – всё же, благородных кровей. Военный аристократ, князь по происхождению, даже почти не ругался. Только задал простой и логичный вопрос: «Как, мля?» раскрасив его всевозможными деепричастными оборотами, невообразимыми предлогами и разнообразнейшими местоимениями.

– Ой, господин полковник! – простодушно ответил призывник. – У ваших техников стоит такая древняя защита от проникновения, что было грех не воспользоваться таким нежданным-негаданным, но очень своевременным подарком. Вот глядите – кнопочку нажимаете, и видеофиксация неожиданно отключается. Включается автоматически через две минуты и семь секунд.

Ровное время на блокировку ставить было нельзя – было бы слишком заметно. Я в техническом отделе на одном из блоков видеоконтроля пристроил маленький, но хитрый приборчик. Стои?т он так, что ваши технические лоботрясы в жизни сами не найдут. За две минуты можно черепашьим шагом доковылять до угла – боковой видеофиксатор тоже случайно отключился, – дёрнуть за закреплённую леску и с крыши прямо вам на голову свалится верёвочка с узелками. Дальше дело самопальной, но от этого не менее работоспособной техники. По верёвочке я зашёл в ваш кабинет. Огромное спасибо вам за открытую форточку в вашей комнате отдыха. Кстати, девочка на плакате выше всяческих похвал! А саму верёвочку с леской в это время смотал простенький приборчик, установленный на крыше моим братом, Володимиром. Он полночи потратил, чтобы его туда присобачить. Вернее, полночи мы заходили и уходили с территории вверенного вам подразделения, а само присобачивание заняло восемь минут и, если мне память не изменяет, тринадцать секунд, но это уже ненужные для вас подробности. Можно было бы зайти и выйти много быстрее, но тогда потери личного состава главного вербовочного пункта нашей губернии, которым вам выпала честь командовать, были бы значительно бо?льшими. Мы постарались этого избежать. Вы невнимательно читали моё личное дело. Мой брат – магистр Нижегородского университета и профессор кафедры автоматики и робототехники. Должен же он был мне хоть чем-то подсобить, раз я за него в армию отправляюсь. Мне, в общем-то, не влом, но семейные традиции надо соблюдать неукоснительно, а одна из них гласит: «Брат всегда должен помогать брату». Вот мы друг другу и помогли, – в голосе Платона прозвучала издёвка. – И, господин полковник! Вы позволите? – призывник встал, подошёл к оторопевшему военкому и выдернул у него из погона тоненькую булавочку с тёмно-зелёной, в цвет самого погона, головкой. – Можете не беспокоиться, господин полковник, аппаратуру из вашего кабинета я уже забрал. Вам она более ни к чему, а мне на службе отечеству может и пригодиться, – последняя фраза добила не только господина полковника, но и ошарашенного происходящим гранд-майора Сабирова.

Ох, как Платону Гордееву целый год «учебки» икалось это выступление! Гранд-майор ничего не забыл, а некоторые моменты и приукрасил. И в первую очередь зачитал имперский указ прямо перед строем учебного полка.

Указ от шестого августа одна тысяча девятьсот двадцать седьмого года не давал ни полковнику-военкому, ни гранд-майору Сабирову ни единого шанса отказаться от столь необычного новобранца. Согласно вышеупомянутому указу родственники отслуживших в дивизиях пластунов имели право проходить службу в тех подразделениях, в которых пожелали, если проходили

вступительные испытания. Платон Гордеев все нормативы перекрыл в полтора раза. Молодой был – неопытный, а от того не всегда умный.

* * *

Кавалер двух «Чёрных Крестов» и ещё полутора десятков имперских и иностранных наград Платон Гордеев тяжело встал со скамьи и, припадая на правую ногу, вышел из избушки на свежий воздух. Хороши всё же эти имперские имплантаты – работают лучше настоящих конечностей. Правой ноги у отставного гранд-прапорщика не было по колено, а правой руки по плечо. Да и так шрамов за семь лет не самой спокойной службы набежало изрядно.

В последней операции пожевало его прилично и сейчас, в свои неполные тридцать лет, выглядел Платон дряхлым, но по какой-то причине ещё живым стариком. Попасть под «Молот Аллаха» и остаться в живых дьявольское везенье. Кровному врагу такого не пожелаешь. Думал, уже не выкарабкается. Почти год в столичном госпитале, да год дедовых мазей, порошков, заговоров, настоек и целебного лесного воздуха подняли Платона на ноги, но прежнего здоровья так и не вернули.

В порядок его слегка привели, однако нынче как в детстве и юности не побегаешь – не развалиться бы по дороге. Правда, всегда под руками экраноплан Сикорского. К сожалению, гражданская модель, но переделанная под нужды имперской егерской службы. До тысячи восьмисот килограммов в просторном багажном отсеке и трёх седоков он тащит легко, плавно и беззвучно, но, опять же, к сожалению, невысоко и не сильно быстро – не более пятидесяти пяти метров и не быстрее ста двадцати километров в час.

Сразу после госпиталя предлагали Платону место старшего инструктора в учебном центре корпуса пластунов, после полугодичного отпуска, разумеется, но его потянуло домой. К деду на заимку.

Отставной унтер-офицер Евлампий Гордеев вот уже более сорока лет служил имперским егерем в Куусамском природоохранном заповедном комплексе, что находится на севере Великого княжества Финляндского. Вот к нему-то Платон и направился.

Егерем его оформили быстро, определив к деду в напарники. Не сильно деду требовался нужен помощник, но было ему уже восемьдесят семь лет, и прожил он после того, как Платон встал на ноги, всего четыре месяца – как будто ждал внука.

Может, и правда ждал, а перед смертью показал вот эту избушку, рядом с которой находилось убежище. Нет не так – семейное Убежище семьи Гордеевых.

Об этом месте, согласно семейной традиции, должен был знать только старший сын, но Георгий сгинул на северо-востоке Африканского континента. Средний – Володимир, в армии не служил и теперь уже не будет. Оставался только Платон. Теперь вечный хранитель этого тщательно замаскированного и максимально упакованного противоатомного бункера.

Впервые спустившись на первый уровень необычно укрытого от посторонних глаз Убежища, Платон слегка выпал в осадок (то есть, мягко говоря, был удивлён). Это был трёхуровневый схрон высшей радиационной и биологической защиты. (То-то дед последние сорок лет служил в одном и том же месте – хватило времени обустроить всё по высшему разряду).

Теперь Платону стало понятно, как дед умудрился такое Убежище отгрохать. Разумеется, имперский егерь делал это не сам, а подал заявку на строительство бункера в имперское управление спецстроя. Земля вокруг навечно была дарована императором семье Гордеевых за особые заслуги. Платон лично копию указа видел. Правда, эта дарственная была, как в народе говорят, палкой о двух концах – один из представителей семьи должен служить в имперских егерях.

Первый этаж был скорее техническим. Здесь на специальных магнитных якорях стояли все четыре экраноплана – два личных и два служебных. Служебные стандартные – на полторы тонны, а вот личный экраноплан деда оказался грузовым.

Эта небесная колесница легко таскала в своём просторном багажном отсеке целых одиннадцать тонн. За каким экзотическим овощем деду понадобился такой грузовик, Платон не спрашивал – быть посланным в далёкие дали (на дальнюю за?имку, к примеру) новоиспечённому егерю имперских угодий совершенно не хотелось.

Стояла здесь и специальная станция подзарядки силовых блоков экранопланов – встроенные в систему энергоснабжения Убежища мощные генераторы, соединённые с портативным ядерным реактором, располагавшемся на самом нижнем техническом этаже бункера.

Ещё в этом ангаре находились морозильные лари, подвесные лодочные моторы, лодки и тому подобные мелочи, но бо?льшая часть складских помещений этого уровня всё равно была пуста. Имелась на этом уровне и служебная оружейная комната. Словом, дед разместил здесь всё то, что могло понадобиться срочно, и всегда должно быть под руками.

Второй уровень – жилой, состоял из восьми комфортабельных комнат, десяти санузлов, двух саун, двух комнат отдыха, кухонного отсека, столовой с очень недурственным баром и разнообразных продуктовых и вещевых запасов.

И, наконец, третий – оружейный, учебно-тренировочный и непосредственно семейный. В последнем лежали личные вещи, а в основном оружие, награды и трофеи всех когда-либо служивших императору Гордеевых.

Оружия и боеприпасов здесь хранилось великое множество. Начиная от старинного фитильного дульно-зарядного джезайла, взятого прапрадедом Платона в конце девятнадцатого века где-то в Персии, и заканчивая трофеями и личным оружием самого гранд-прапорщика.

Были здесь и охотничьи и боевые луки Платона – его давняя страсть. Целая коллекция – луки композитные, спортивные, сложносоставные, блочные и рекурсивные, хотя последние Платон не любил и стрелял из них крайне редко. До службы в армии, разумеется. Теперь для него это недосягаемое удовольствие – имплантат хоть и хороший, но непривычный, и учиться стрелять приходится по новой.

Тяжёлый блочный лук, снятый с трупа пакистанского инструктора из подразделения «Чёрный Аист», Платон повесил на стенку своего постоянного жилища, а не держал в хранилище. Ну, и стрелял из него с каждым днём всё лучше и увереннее, воскрешая позабытые за девять лет навыки.

Хорошо было на улице – удачно дед избушку поставил. Крохотная полянка, окружённая вековыми соснами, короткая, метров в двадцать, тропинка, ведущая

к не слишком большому, но глубокому озеру с прозрачной и чистой водой, да озорной ручеёк, несущий свою ледяную струю в это самое озеро.

Поздний вечер и сгущавшиеся сумерки, воздух, наполненный прохладой и запахами соснового леса. Всё такое привычное и до боли в сердце родное. Вот шумно ворохнулась крупная рыба в садках у причала – в специально построенных загородках плескались сибирский осётр и стерлядь.

Дед любил разводить рыбу, предпочитая её любому мясу. Да и чёрные «рыбьи яйца» деликатес не из последних. Имперский егерь, кстати, чёрную икру не любил – перекормили в детстве. Каждый день по малолетству до самой начальной школы в него дед с бабушкой (царство им небесное) эту отраву запихивали.

Сейчас Платон с чувством лёгкого омерзения припомнил целый отсек в Убежище, заставленный литровыми банками с ненавистным «лакомством». Дед излишки икры всегда солил и откладывал до лучших времён, как будто к голоду готовился.

О! Надо эти излишки Володимиру отправить. У него двое спиногрызов подрастают, теперь их очередь этой гадостью давиться.

Платон присел на вросшую в землю скамеечку, поставленную около ступенек крыльца, и тут же рядом нарисовался неизменный спутник любого имперского егеря – грысь. Генномодифицированная рысь, выведенная в институте специальной генетики имени Бочкарёва.

Привычная всем лесная красавица весит максимум тридцать пять килограммов, самки до двадцати, но эти особи, специально выведенные для работы в егерской службе, были и умнее, и крупнее, и сильнее, и выносливее обычных. И вообще, в этих генетически изменённых животных заложено столько, что Платон сам удивлялся фантазии институтских генетиков. И это касалось не только рысей, но и служебных пород собак, соколов и даже гепардов с ягуарами.

Для внутреннего общения с генетически изменёнными животными существовали самые разнообразные приборы, но Платон пользовался только простым радиофицированным ультразвуковым пультом с десятком запрограммированных команд.

Грысей Платон любил с детства, поэтому очень быстро нашёл общий язык со своими помощниками, а вот пару грысей деда пришлось уложить в один гроб с их хозяином. Образно, конечно же. Ни с кем другим они работать более не могли и в случае гибели егеря становились неуправляемыми и подлежали немедленному уничтожению. Так сказать, во избежание. Случались, знаете ли, кровавые прецеденты.

Егерям полагалась пара таких помощников. Самка Шуша (сорок семь килограммов боевого веса, а в данном случае те же самые сорок семь килограммов плюшевой нежности) сейчас тёрлась о колено Платона и мурчала, как маленький моторчик. Ейный муж – Тигр, как и все нормальные мужики, где-то шлялся. Видимо, опять ловил рыбу.

Как эта наглая усатая морда (пятьдесят четыре, впрочем, уже пятьдесят шесть килограммов хитрости, наглости и верности) умудряется таскать из садков стерлядь, Платон особенно не вникал – для первого помощника и одного из самых лучших друзей ничего не было жалко. Лишь бы калорийное мясо юной стерляди шло на пользу этому пятнистому, волосатому чудовищу.

Посидев с десяток минут, Платон встал и направился в дом. Завтра вставать задолго до расцвета – надо выспаться. Шуша неслышно скользнула следом – она предпочитала спать в тепле, а вот Тигр будет всю ночь нарезать круги вокруг дома. Лучшей охранной системы Платон не знал – грыси со своими проводниками служат в различных армейских подразделениях, и в дивизиях пластунов встречаются достаточно часто.

Впрочем, нападения Платон не опасался. Мелкое животное грыси съедят, о крупном предупредят, а вооружённого человека, тайком подбирающегося к охраняемому ими объекту, просто-напросто убьют. Женщины, дети, домашние животные и невооружённые мужчины у грысей навечно занесены в графу «крупные животные».

Правила посещения охраняемых имперских территорий были крайне жесто?ки и выполнялись неукоснительно и согласно букве закона. Посещение имперских природоохранных заповедных комплексов без специально выдаваемого пропуска и сопровождения дежурного егеря было категорически запрещено, и все граждане Империи с самого рождения это прекрасно знали.

Любого человека, пойманного на охраняемых территориях с оружием или запрещёнными орудиями лова или охоты, егеря расстреливали на месте без суда и следствия, и грыси им в этом активно помогали. Происходило это с обязательной видеофиксацией нарушений, орудий преступления и, собственно, самого процесса уничтожения преступника.

Личные видеофиксаторы были обязательным атрибутом каждого работника, а служебные квадрокоптеры «Око», оборудованные по последнему слову техники, неизменными и беспристрастными помощниками. Это чёрным по белому написано в уставе имперской егерской службы. Ну а у грысей подобные действия намертво прописаны на генетическом уровне, и они всегда поступают согласно заложенной в них программе.

Спал Платон плохо, несмотря на принятые стимуляторы. Где-то вдалеке грохотал гром, мелькали отдалённые всполохи и снилось отставному гранд-прапорщику, что его разведывательно-диверсионную группу опять накрыли из установок залпового огня боеприпасами с модифицированной химической гадостью.

Платон даже проснулся на несколько мгновений, а потом снова провалился в спасительное для него беспамятство. Ненадолго. За двадцать минут до побудки Платон услышал невнятный зов и, ещё окончательно не проснувшись, понял, что обе грыси плотно прижались к нему, забравшись между его накачанным телом и стеной дома.

Грыси чего-то боятся? Да быть такого не может – они не знают чувства страха. Открыв глаза, Платон почувствовал чужой кислотный запах. Воняющая химическая дрянь наполняла комнату и, казалось, висела в ней прозрачным маревом. Впрочем, это, наверное, придуманное – в комнате было темно. Платон щёлкнул выключателем прикроватного светильника, но свет не загорелся, что выглядело достаточно странно.

Автономные аккумуляторы заряжены под завязку – сам вчера заряжал. Пришлось на ощупь идти к печке за спичками и зажигать свечу, стоявшую на столе. Такие свечи разложены по всему дому, а на складах убежища их несколько тысяч штук. Так сказать, на всякий случай.

Едва комнату озарило дрожащее пламя, Платон огляделся. Туман и кислый запах ему не почудились. Белесые нити, истончаясь прямо на глазах, ещё висели в углах комнаты, а запах потихонечку пропадал.

И, чёрт возьми! В единственное окошко сквозь неплотно задёрнутую занавеску пробивался тусклый свет раннего утра. Какой на хрен свет? В четыре утра в сентябре месяце. Вот это номер!

Платон стремительно, насколько позволяло его сегодняшнее состояние, оделся и подпоясался. На левое бедро привычно легла открытая кобура с трофейным «Глоком» под девятимиллиметровый отечественный патрон. Несколько шагов до двери Платон преодолел не хромая – поутру ходить было значительно легче. Отодвинуть засов и распахнуть дверь ещё пара мгновений и…

Ёрш твою мать через семь пар потных портянок оглоблей в дышло! Фраза, которую выдал отставной гранд-прапорщик следом за привычным дедовским выражением, заставила бы покраснеть всех обитателей любого женского монастыря, включая кошек, собак и ёжиков. Да и в мужской святой обители многие были бы очень сильно удивлены. Особенно кошки и ёжики.

На улице стоял не сентябрь, а раннее утро безоблачного лета – старинный ртутный градусник, прикреплённый к перилам крыльца, показывал четырнадцать градусов тепла. И это немыслимое безобразие вместо ранних заморозков – на этой широте сентябрьские заморозки не редкость.

Остальная обстановка была привычна. Небольшая поляна никуда не делась, лишь трава на ней обзавелась мелкими капельками росы, рыба плескалась в недалёком отсюда озере, мелкие пичуги перекликались в прибрежных кустах. Чуть постояв и не решившись спуститься с крыльца, Платон вернулся в комнату и принялся готовить завтрак – подобные новости следовало тщательно пережевать. Ничего путного в голову не приходило, а удивляться отставной гранд-прапорщик разучился давно и, как ему казалось, навечно.

Уже заканчивая трапезничать, Платон услышал частый треск выстрелов. Перестрелка возникла внезапно и не только не прекращалась, но наоборот, набирала обороты.

Стреляли много и со вкусом. Крупнокалиберные пулемёты заглушали частый перестук штурмовых винтовок. Взрывы гранатомётов перечёркивали скороговорку крупняков. Звуки пусковых установок похожи на немецкий «Вильгельм Густлофф» (в просторечье «Виля») и одноразовые гранатомёты «Шершень». Изредка, в общей канонаде, выделялись резкие выстрелы крупнокалиберных снайперских винтовок.

Очень похоже, что кто-то на кого-то устроил грамотную засаду, но размеров ответного огня не рассчитал. Словом, засадить засадил, но теперь, видимо, засаживали засадившему. То есть произошло этакое обоюдно-извращённое совокупление – достаточно частая штука в современной войне.

Судя по всему, сшибка произошла километрах в двух от заимки. У Золотой пади, что ли? Вот уроды недоношенные! Такое красивое место испохабили. Оставалось проверить предположение.

Собирался Платон недолго. Накинул пластинчатый бронежилет-кольчугу и забитую боеприпасами ременно-плечевую систему. Штатное оружие бойца корпуса пластунов – штурмовой автоматический карабин калибра двенадцать и семь егерь прихватил из оружейной стойки мимоходом. Дедовский безгильзовый десятизарядный карамультук с различными типами боеприпасов и спаскомплект всегда закреплены в экраноплане. Никогда ведь не знаешь, где найдёшь, где потеряешь, а дед был мужиком на своём веку много повидавшим и оттого предусмотрительным.

Затем Платон тяжело спустился с крыльца, забрался в личный разведывательный летательный аппарат и угнездился в удобном сиденье. Приложив к панели доступа у правого подлокотника раскрытую ладонь, имперский егерь на мгновение задержал её. Спустя ещё пару секунд загорелись индикаторы на приборном экране и тут же мягко взрыкнул двигатель экраноплана.

Егерь покупал эту машину на собственные средства и добавил к стандартной комплектации некоторые дополнительные функции. В том числе и лёгкое бронирование. По крайней мере, пулю калибра четырнадцать и пять на сто четырнадцать эта броня держит.

Грыси запрыгнули на свои места вместе с Платоном. Егерь нажал на газ, экраноплан выметнулся над землёй, чуть притормозил в воздухе, сделал полукруг над поляной и… Платон чуть было не сверзился на землю.

Векового соснового леса за избушкой не было и в помине. Полоса шириной метров в двести пятьдесят прежних корабельных сосен, опалённая линия пожухлой травы и за ними чахлая четырёхметровая поросль неряшливого смешанного перелеска.

Перестрелка затихала за этим самым перелеском у следующей стены теперь уже смешанных деревьев. Причём преобладали лиственные породы средней полосы Империи.

Там, сразу за перелеском, у самой границы высоких деревьев, поднимались два дымных костра. Судя по маслянисто-чёрным клубам, горели резина, пластик и моторное масло.

Всё это Платон на ходу разглядел в штатный визор экраноплана. Тяжёлая машина неспешно стелилась над самыми верхушками невысоких деревьев. Торопиться в данном случае не следовало.

Автоматически Платон прижал тангету рации и включил аварийный маяк, но связь с базой напрочь отсутствовала.

Чёрте что! Трубка сотового телефона – вне зоны действия сети. Навигационное оборудование не видит спутников, а карта не соответствует прилегающей местности. На аварийном канале вообще какая-то свистопляска, ничего общего не имеющая со связью.

Отметил всё это Платон машинально и тут же забыл об этом. Ибо экраноплан, включенный загодя на беззвучный и маскировочный, но при этом страшно жрущие энергию, режимы, подлетел к краю перелеска. Дальше росли невысокие, не более полутора метров в высоту, но густые кусты неизвестного имперскому егерю растения и перед его глазами раскинулось весьма необычное зрелище – старая, потрескавшаяся от времени и природного воздействия бетонная лента дороги, которой в этой глуши никогда не существовало.

На дороге присутствовали три грузовых фургона, обваренных металлическими листами и с решётками на лобовых и боковых стёклах, четыре внедорожника, два из них чадно горели на дороге, и два, назовём их бронированными автобусами-переростками с четырьмя парами колёс и тремя башенками с крупнокалиберными пулемётами на покатых крышах. Внешне они походили на привычные отставному гранд-прапорщику бронетранспортёры, но были раза в три выше, шире и вместительнее любой известной Платону Гордееву техники.

Одному автобусу досталось по полной программе – дыры в бронированном корпусе, сбитые пулемётные башенки, вырванное левое колесо на передней колёсной паре. Второй был более-менее цел, кроме покорёженных вышеупомянутых башенок, но разут на три колёсные пары. Видимо, его пытались именно остановить, а не уничтожить.

Вокруг всего этого хозяйства валялось около пятидесяти трупов различной степени разобранности, всевозможное оружие, пустые тубусы от одноразовых гранатомётов, части тел, гильзы. Визор автоматически фиксировал все детали, но главное, что ухватил его беспристрастный взгляд, были люди. Шестеро совершенно различно экипированных и вооружённых людей, столпившихся вокруг седьмого. Полутрупа? Пленника? Обрубка?

Собственно говоря, перед глазами Платона развивался один из видов полевого допроса с элементами махрового садизма. Обычное экстренное потрошение выполняется быстро, жестоко и максимально рационально, однако производится исключительно ради получения необходимых на данное время сведений. Здесь же безногого пленника сначала обкололи каким-то наркотиком, а затем весьма непрофессионально принялись отрезать ему пальцы на руках и беспорядочно тыкать в бедолагу ножом, здорово похожим на мачете.

Что спрашивали мучители и что отвечал пленник, Платон, разумеется, не слышал – расстояние двести семьдесят два метра, поэтому он, продолжая рассматривать противников, отправил в полёт лёгкое разведывательное «Око».

Компания была разношёрстная. Два явно хорошо повоевавших бойца в цифровом камуфляже, в тяжёлых даже на вид бронежилетах с защитой паховой области и шеи и весьма необычных подвесных системах, ни на что не отвлекаясь, контролировали округу.

Один из них вооружён футуристического вида штурмовым карабином с подствольным гранатомётом и всевозможными приблудами. Второй – крупнокалиберной снайперской винтовкой. Причём этот двух с приличным лишком метровый верзила держал неимоверно тяжёлую винтовку на весу как пушинку, а на голове у него красовался странного вида шлем с полностью затемнённым лицевым щитком. Платон даже мельком подивился силе и выносливости этого необычного бойца.

Ещё один в серебристом сплошном скафандре и в шлеме с прозрачным забралом (или это бронежилет такой?), в перчатках и высоких, в цвет скафандра, берцах. В руках, наверное, это тоже штурмовая винтовка, но какая-то невообразимо лёгкая и совершенно незнакомого Платону внешнего вида.

«Серебристый» стоит спиной к автобусу сразу за спинами прикрывающих его бойцов. Штурмовая винтовка надета на правую руку и опущена стволом вниз. К левой руке пристёгнут внушительный, тоже серебристого цвета, чемоданчик.

Остальные трое типичные обитатели иностранных мест заключения для асоциальных элементов, а попросту говоря – уголовники. Камуфлированные штаны разных расцветок, берцы, автоматические карабины, разгрузки, надетые на голое тело, отчего видны руки, предплечья и плечи, перевитые синими венами и разрисованные разнообразными татуировками.

В Российской Империи подобные татуировки были не сильно популярны (ровно как и лица, совершившие уголовные преступления), но за её границами встречались достаточно часто.

Дело в том, что на родине Платона Гордеева за большинство преступлений против личности или собственности граждан существовало одно единственное наказание – публичная смертная казнь через повешение, но это были, так сказать, цветочки. За хищение императорского имущества или (упаси боже!) покушение на жизнь и здоровье любого имперского служащего преступника, совершившего подобную глупость, прилюдно четвертовали. Отчего количество асоциальных элементов в Российской Империи давным-давно скатилось к нулевой отметке.

Пленник. Нет… особых деталей не видно. В это время «Око», наконец, облетело автобус с другой стороны… чёрт! Это же девчонка! Раздетая, залитая кровью

молоденькая девчонка зашлась в беззвучном крике – уголовники принялись отрезать ей сосок на левой груди.

– Кто старший?

– Как вы узнали про караван?

– Где ваша база?

– Говори, сука! Матку вырежу! – динамик коммуникатора включился неожиданно громко, но Платону звук был уже не нужен.

Незыблемые правила, впитанные с молоком матери, требовали незамедлительных действий, но работать приходилось строго по инструкции и «Око» выдало стандартную фразу, после произнесения которой имперский егерь имел полное право открыть огонь на поражение.

– Вы находитесь на территории Российской Империи. Сдайте оружие и поло… – очередь мгновенно обернувшегося боевика со штурмовым карабином разнесла «Око» на мелкие, никому не нужные детали, но первую пулю в голову получил именно «серебристый».

Он стоял ближе всех к бронированному автобусу и за спинами всех боевиков. Чуть помедлить, и опытный боец скроется в недрах столь необычной боевой машины – выковыривай его потом из этой жестяной банки.

Пуля, выпущенная из штурмового карабина, попала в забрало, но пробить его не смогла. И это пуля специального тринадцатого калибра? Впрочем, кинетический удар был страшен, и от него голова неизвестного резко откинулась назад. Видимо, скафандр представлял собой что-то вроде жёсткого бронежилета с гибкими сочленениями на шее и шейные позвонки не выдержали силы удара.

«Серебристый» ещё валился на залитое кровью, потрескавшееся дорожное покрытие (надо сказать достаточно странное), а снайпер, контролирующий сектор, обращённый к Платону, уже получил свой композитный гостинец. Прилетело ему точно в самую нижнюю часть затемнённого лицевого щитка каски.

Крупнокалиберная пуля, попавшая под небольшим углом, пробив щиток и не повредив каски, наверняка разнесла снайперу всю голову и, выскочив из нижней части затылка, разлетевшегося на осколки, выбила фонтан крови и мелких ошмётков мозгового вещества. Затем её части, распавшиеся при попадании во второе препятствие на ещё более мелкие компоненты, отрикошетили от бронированного бока автобуса и стремительно унеслись прочь.

Третья влетела штурмовику точно в висок – он так и не успел развернуться обратно. Его голова попросту лопнула, разбрызгав содержимое черепной коробки в радиусе полутора метров – стандартное действие керамического четырёхпульного боеприпаса с тандемно-параллельным пулевым размещением.

Платон стрелял как на тренировке. Баллистический блок исправно выдавал цели по мере убывания потенциальной опасности поражаемых противников. Остальные трое бойцами не были, хотя мгновенно ощерились автоматическим оружием, но оставлять уголовников в живых егерь не собирался. И формально, и фактически они нарушили несколько законов Российской Империи и должны быть незамедлительно уничтожены.

Эти отбросы любого общества, только что издевавшиеся над беззащитной женщиной, даже не поняли, что их убивают. Ещё три негромких хлопка, и следующие три трупа улеглись на выщербленный асфальт дороги. Платон, наконец, вспомнил, как называется это дорожное покрытие. Его уже лет двадцать в Империи не используют, но на Африканском континенте асфальт иногда Платону встречался.

Триста метров не расстояние ни для пули, ни для экраноплана. Короткий рывок и из зависшей в полуметре от земли машины выпрыгивают три стремительные тени. Платон, доставая два шприца, кинулся к девушке, грыси разбежались по полю боя разыскивать и, если понадобится, добивать живых.

Первый укол универсальный противошоковый, второй комплексный – обезболивающий и снотворный препараты. Через минуту незнакомке можно будет отпилить все остальные части тела – ничего не почувствует, хотя некоторое время будет в полном сознании. В принципе, она не должна ничего соображать, но незнакомка открыла глаза и достаточно внятно произнесла.

– Живец… дай… возьми флягу у любого… мне надо… – сказать, что Платон был удивлён, это не сказать абсолютно ничего.

В таком состоянии человек практически не контролирует окружающую его обстановку, но взгляд девушки был ясен, а слова осмысленными.

Недолго думая, егерь принялся обшаривать взглядом трупы и сразу же наткнулся на литровую флягу, висевшую на поясе у снайпера. Впрочем, самые разнообразные фляги были на всех видимых ему трупах кроме «серебристого». Которого, кстати, надо проконтролировать. Пуля пулей, но собственными руками значительно надёжнее.

Платон натужно встал с колен, в два шага дошёл до человека в скафандре, нагнулся, взяв его за голову жёстким хватом, и, откидываясь назад, резко дёрнул вверх. Раздался характерный треск – вот теперь всё в норме. Какой бы у человека ни был бронежилет, совмещённый с каской или шлемом, его гибкие сочленения не защитят шейные позвонки от подобного механического воздействия. Мимоходом Платон осмотрел забрало (теперь оно было непрозрачным) и подивился – пуля не нанесла поверхности практически никаких повреждений.

Прихватив первую попавшуюся флягу, егерь вернулся к девушке и принялся поить её. Странно, но незнакомка не выглядела умирающей – ей прямо на глазах становилось всё легче. Пила девушка тяжело, захлёбываясь и задыхаясь, но делала это сама и даже тянулась губами к фляге. Молодая женщина должна была умирать, терять сознание от потери крови, сочащейся из многочисленных ранений и порезов, но…

Платон даже мысленно выругался. Перетянутые жгутами, но не перевязанные культи ног не кровоточили, жуткие порезы на груди, руках и животе, казалось, нанесли несколько часов назад. Они ещё сочились, но всё меньше. А ведь Платон сам видел, как девушку резали ножом! Вон этот нож валяется!

Напившись, девушка спросила.

– Как тебя зовут? – голос её был тихий, но безжизненности, характерной получившим тяжёлые или смертельные ранения, в нём не слышалось.

– Платон Гордеев. Егерь Имперских угодий. Куусамский природоохранный заповедный комплекс, – ответил Платон скорее механически и поразился уже в который раз.

Измученное лицо девушки посветлело, её разбитые губы тронула лёгкая улыбка, и она отрывисто произнесла.

– Свежак!.. Невероятно!.. Свежак убил внешника и завалил группу Кинконга! Я хочу тебе кое-что сказать… только не перебивай… собери всё, что найдёшь у внешников: оружие, боеприпасы, бронежилеты, личные вещи, одежду, продуктовые комплекты – у нас ценится всё… – девушка прервалась, и Платон задал вопрос.

– Кто такие внешники?

Девушка качнула головой.

– Этот… в боевом скафандре… ещё собери все фляги… и… у всех наших есть… такие серо-зелёные виноградины и… горох… он на кусковой сахар похож… бери всё… не брезгуй ничем… личные телефоны-ноутбуки-рации… – голос девушки становился всё тише, а речь несвязнее – она, наконец, начала вырубаться.

Приличное количество времени её продержало на местных стимуляторах! Собрать мелочёвку недолго, хотя это достаточно муторное занятие, но сначала надо было перевязать девушке культи ног и два отрезанных уголовниками пальца и поместить её в экраноплан. В багажный отсек, правда, но деваться некуда – штатные места занимают грыси. Чем Платон в следующие двадцать минут и занимался.

Управившись с перевязкой и погрузкой раненой незнакомки, егерь принялся мародёрить. Серо-зелёные виноградины и «сахар-рафинад» попадались на всех без исключения трупах кроме «серебристого». Не сильно заморачиваясь, Платон сгребал всё подряд в один из здоровых рюкзаков, но максимально допустимый вес и объём в экраноплане не были безграничными.

Внешника Платон запихнул в экраноплан целиком – не смог сразу снять с него скафандр и отстегнуть автомат с чемоданом. Прихватил штурмовой карабин и гигантскую снайперскую винтовку с убитых боевиков. Закинул все фляги и

вытряс все карманы и разгрузки. По крайней мере, те, что были на виду. Забрал некоторые виды стрелкового оружия и боеприпасы. Загружать было ещё до черта? и больше, но место в экраноплане закончилось и Платон, приказав грысям занять свои места, тяжело забрался на пилотское сиденье.

Короткий полёт закончился на поляне у дома – загонять экраноплан в подземный ангар Платон не стал. Ровно как и не стал церемониться с дохлым внешником и намародёренными вещами. Не особенно заморачиваясь, Платон выгрузил всё это великолепие на землю у запасного входа в Убежище.

Девушку Платон занёс в избушку, положил на собственную кровать, обработал спасательным гелем порезы и поставил капельную систему с крововостанавливающим раствором, загнав в большую, разделённую на несколько отсеков пластиковую ёмкость пару шприцов универсальных антибиотиков.

Затем оставил Шушу охранять молодую женщину, дистанционной командой выгнал из ангара оставшиеся три экраноплана и, отослав на их автопилоты команду сопровождения лидера, отправился с Тигром к разгромленной колонне.

То, что Платон при поверхностном осмотре увидел в раздолбанном трейлере внешников, не поддавалось никакому разумному объяснению и требовало тщательного изучения. Да и вся ситуация в целом складывалась до обалдения необычно.

Во-первых, необъяснимое перемещение громадного куска неизвестной территории произошло в крайне короткие сроки и совершенно незаметно и беззвучно (едва слышные грозовые раскаты в тёмное время суток в расчёт не принимаются). То, что вместе с перемещением куска земли изменились ещё и погодные условия, Платон просто-напросто забыл, придавленный стремительно развивающимися событиями.

Во-вторых, связь так и не появилась, и навигатор экраноплана в упор не видел ни одного из шестидесяти семи Имперских спутников гражданской службы. Чего не могло быть в принципе.

В-третьих, некоторые растения за жёлтой полосой выгоревшей травы никогда не росли в этой широте. Здесь они просто не выжили бы зимой. К примеру, о

попытках адаптации тропического кустарника фейхоа к северным широтам Платон даже не слышал. Не говоря уже о том, чтобы читать о такой сенсации в специализированном имперском вестнике.

В-четвёртых, транспорт внешников, их оружие, боеприпасы и экипировка не принадлежали ни одной армии мира, а технологии производства превышали земные на несколько десятков порядков. Кстати, на крышах транспортировочных модулей стояли не крупнокалиберные пулемёты, как в самом начале предположил Платон, а автоматические пушки неизвестной егерю конструкции и физического воздействия.

В местах попадания снарядов этого чудовищного оружия земля в буквальном смысле этого слова сплавилась, а люди и растения частично испарились. То есть Платон нашёл несколько частей того, что раньше было человеком. Всё остальное не было развеяно по округе или оторвано кинетическим воздействием – оно попросту исчезло, а куски тел на краях среза сплавлены и не кровоточили.

В-пятых, напавших на колонну всего четырнадцать человек вместе с раненой девушкой, но они выбили всю технику внешников и их помощников и уничтожили более девяноста процентов живой силы, пятикратно превышающего их численность противника. Никто из известных Платону профессиональных военных никогда не совершил бы подобной глупости – силы были абсолютно неравны, но ни дилетантами, ни идиотами нападавшие не выглядели.

Засаду спланировали очень грамотно, вооружение и экипировка бойцов подобраны идеально, а действовали нападавшие выше всяческих похвал, используя в числе прочего вооружения дистанционно управляемые противотанковые гранатометные комплексы. Именно из них и раскурочили бронированные транспортировочные модули внешников, и, если бы управление этими комплексами было продублировано, потери нападавших не составили бы и десяти процентов, а противник был бы полностью уничтожен.

Правда, при нападении неизвестные бойцы перебили сорок восемь пленников, перевозимых в двух грузовых машинах. Платон был абсолютно уверен, что огонь из стрелкового оружия вёлся по этим грузовым машинам специально. Все они имели характерные следы от перекрёстного огня четырёх единых пулемётов калибра семь шестьдесят два на пятьдесят четыре миллимерта производства тульского императорского оружейного заводского комплекса имени генерал-полковника Владимира Фёдорова. Что само по себе могло означать только то,

что груз в этих транспортных средствах нападавших совершенно не интересовал.

При этом третий грузовик имел бронирование и получил только лёгкие повреждения ходовой части. В то же время он был полностью забит оружием и боеприпасами. В том числе и абсолютно неизвестными Платону образцами вооружения под стандартные патроны Российской Империи, Западного Содружества и Северного Заокеанского Альянса.

В-шестых, ни у кого из погибших не нашлось никаких документов, жетонов или служебных браслетов или коммуникаторов и (и это было необъяснимее всего) напрочь отсутствовали какие-либо лекарственные препараты кроме индивидуальных перевязочных пакетов и странных шприцов одноразового применения, наполненных ярко-оранжевой жидкостью. Обычно эти шприцы лежали в пластиковых коробках вместе с серо-зелёными виноградинами и странным сахаром.

Было ещё и в-седьмых, и в-восьмых, и в-двенадцатых. Перечислять можно было бы бесконечно долго. Странностей огромное количество, объяснений ни одного, а взять пленных Платон не удосужился.

Глава 2

В десять часов семнадцать минут прозвучала мелодия коммуникатора – необходимо было сменить капельницу. Платон, разгружавший в Убежище очередную партию привезённого груза, прервал столь увлекательное занятие, зашёл в дом и с уже привычным удивлением увидел проснувшуюся незнакомку. Понятно, что она не бегала по комнате и не кувыркалась на кровати, но находилась в сознании, хотя должна валяться в отключке.

Увидев Платона, девушка произнесла.

– Живец… дай, пожалуйста, напиться… и не убирай далеко флягу… и ещё… у всех наших и у муров Кинконга должны быть шприцы со спеком, – и, видя, что Платон не понимает, пояснила. – Шприцы с оранжевой жидкостью. Один шприц

в вену, половину второго в капельницу… но не больше. Иначе будет передозировка. Это очень редкое и эффективное, но настолько же специфическое лекарство. Где мы находимся? Надо прятаться. Нас будут искать и найдут по следам или с воздуха. Как её зовут? Она такая красивая. Ты обыскал транспорт внешников? – невпопад заговорила девушка.

– Мы у меня на заимке. Её зовут Шуша, но осторожней – это не плюшевая игрушка. Она привыкнет и подойдёт сама, – подойти-то Шуша подойдёт, но вот совсем не затем, о чём может подумать незнакомка.

Шуша действительно не плюшевая игрушка.

– Кто нас будет искать? Никаких следов нет. К месту боя я прилетел на служебном экраноплане. Как ты понимаешь, в воздухе следы не сохраняются. Обыскал и многое вывез, но далеко не всё. Надо ещё поработать – я же не знаю, что надо вывозить в первую очередь, – Платон разговаривал с незнакомкой как с маленьким ребёнком.

– Муры… и внешники, но сначала муры, а потом, когда до них дойдёт информация о нападении, внешники. До их базы слишком далеко. Эта территория контролируется кланом Квазимодо. Кинконг его правая рука и вёл караван в их стаб. Мы там никогда не были… искали, но не нашли… но стаб муров рядом… совсем рядом… Хотя да… ты же ничего не знаешь… Сядь рядом со мной… Ты не в своём мире… этот мир называется Улей. Здесь везде опасно… очень опасно… будь осторожен… опасно… – пока девушка всё это говорила, Платон поставил ещё одну капельную систему и сделал незнакомке укол этого спека.

Раз просит, значит, знает, что делает. Все остальные слова Платон списал на начинающийся бред. В её состоянии в инопланетян поверить можно, не то что в другой мир. Опасно. Скажет тоже.

Не раскрывался над головой этой маленькой девочки контейнер с боевой химией, модифицированной в секретной лаборатории Триединого союза. Вот под таким облаком смертельно опасно, а всё остальное, как говорил гранд-майор Сабиров, это детский крик на лужайке.

Но вот незнакомка уехала в свои наркотические сны. То, что это какая-то дикая, кустарная наркота, Платон ни на мгновение не сомневался.

Ладно! Пусть полежит, половит свои глюки, а у него ещё есть работа. Кстати, всё, что Платон забирал из разбитого каравана, а в первую очередь из транспортов внешников, он сразу же убирал в технический ангар Убежища. Чтобы два раза не перегружать – силы у него не бесконечные, уже и так убегался.

Содержимое транспортных модулей внешников Платона поразило до глубины души, хотя некоторые вещи он неоднократно встречал в своей непростой жизни. Первый модуль был, как это ни странно, не боевым, а жилым и медицинским – значительную его часть занимала медицинская лаборатория с хирургическим столом и складом, забитым автономными морозильными контейнерами. В основном эти контейнеры были пусты, хотя и подключены к общему энергетическому питанию транспорта, а вот в некоторых находились самые разнообразные человеческие органы.

Кстати, на хирургическом столе лежал распотрошённый молодой мужчина, у которого недавно изъяли эти самые органы, предварительно слив бо?льшую часть его крови. Картина, привычная для любого военнослужащего Императорской армии. Разве что медицинское оборудование несколько иное. Более современное, что ли?

Остальную часть модуля занимали жилые блоки, рассчитанные для проживания девяти человек. Их Платон очистил до голых стен, хотя повреждения самого транспорта были значительными. В таком же боевом скафандре находился только один человек, разорванный кумулятивной струёй практически пополам. Его егерь тоже раздел догола – надо же понять, почему он находился в полной боевой выкладке в жилом отсеке. Вероятнее всего, это был либо водитель транспорта, либо дежурный боец, постоянно находящийся в скафандре во время движения колонны.

Все остальные погибшие внешники одеты в удобную и практичную одежду из неизвестного Платону материала. Все люди имели ранения, несовместимые с жизнью, но, отставной гранд-прапорщик отметил это отдельно, двое из них просто застрелились из личного ручного оружия. Видимо, атмосфера для внешников ядовита, раз на улице их товарищ находился в закрытом скафандре.

В тоже время эти так называемые внешники ни внешне, ни внутренне, кусков тел и оторванных конечностей в жилых отсеках хватало с избытком, ничем не отличались от своих помощников или самого Платона. Цвет волос и кожи, формы носа и губ, строение черепа и разрез глаз имели все признаки европейской внешности классического типа, а строение тела ничем не отличалось от среднестатистического гражданина Империи.

Второй транспортный модуль практически не имел внешних повреждений кроме филигранно сбитых противотанковыми ракетами башен с автоматическими орудиями, где и погибли трое из четверых находящихся в транспорте внешников. Все они были операторами и сидели несколько ниже орудийных блоков в специально оборудованных кабинках перед большими обзорными экранами.

Этот модуль был именно транспортно-боевым и перевозил огромное количество необычного оружия, разнообразнейшей экипировки, боеприпасов и, как их назвала незнакомка, продуктовых комплектов – небольших герметически запакованных пакетов из твёрдого пластика с сублимированными продуктами и напитками.

В передней части транспорта находилась кабина для управления модулем, где как раз находился внешник в боевом скафандре. Далее устроены небольшие жилой и бытовой отсеки. Из бытового отсека через весь транспорт проходил узкий коридор с лестницами к кабинкам операторов автоматических орудий. Задняя стена транспортного модуля представляла собой опускающуюся аппарель.

Всё остальное пространство транспортного модуля занимал полностью автоматизированный склад, заполненный удобными паллетами, подающимися на аппарель автоматически. Все грузы, независимо от их назначения, были упакованы в одинаковые пластиковые контейнеры. Видимо, вся логистика перевозок и упаковки грузов различного назначения рассчитана на транспортировочные контейнеры небольших размеров.

Так что, по транспорту бегать Платону особенно не пришлось. Его имперский егерь тоже выгрузил весь к окончанию второй капельной системы и сейчас собирался раздеть своих «крестничков» – снайпера и штурмовика. Уж больно бронежилеты у них хороши, а кровь отстирать недолго. Экипировка таких серьёзных противников в личной коллекции трофеев – это как рога редкого

животного на стене собственного дома.

Штурмовик ничем особенным не удивил. Кроме, разве что, маленького красного шарика размером с жемчужину. Приблизительно такие жемчужины попадаются в раковинах речных жемчужниц, что повсеместно водятся в различных речках заповедных комплексов Российской Империи. Разве что цвет у них несколько иной.

Такие жемчужины уже встречались Платону при обыске некоторых трупов. В основном они были у внешников – в одном из жилых модулей Платон нашёл целую коллекцию. Попадались жемчужины и у соратников незнакомки. С них Платон снял шестнадцать таких странного цвета бу?синок – двенадцать чёрных и четыре красных. Про жемчужины незнакомка ничего не сказала, но раз они хранились, у не самых последних бойцов из разных отрядов, значит, имели для погибших особенную ценность.

У так называемых муров жемчужина попалась впервые, что также указывало на особенный статус обыскиваемого Платоном бойца. Виноградин у штурмовика было несколько сотен, а сахара несколько десятков кусочков. Лежали они в большом тактическом рюкзаке вместе с остальными личными вещами и уже уехали к Платону в ангар, а вот жемчужина хранилась в маленькой ладанке, висевшей на шее трупа.

Ободрав штурмовика, егерь приступил к снайперу и тут его ожидал очередной сюрприз – снайпер не был человеком. Как только Платон стянул с трупа бронежилет и расстегнул камуфляжную куртку, то обнаружил, что тело снайпера не только непропорционально большое, но и имеет гипертрофированную мускулатуру, другой цвет кожи, покорёженные мутацией суставы, увеличенные органы и конечности. Словом, это раньше было телом человека, но теперь под воздействием неизвестных факторов оно полностью изменилось.

Шлем снимать очень не хотелось – штурмовой четырёхпульный боеприпас оружие грязное, не оставляющее противнику ни единого шанса не только на жизнь, но и на последнее прощание с родственниками в открытом гробу перед кремацией. Платон ожидал, что голова мутанта развалится у него в руках при снятии большого, явно сделанного на заказ этими самыми внешниками, нестандартного шлема, но действительность превзошла все его ожидания.

Кости черепа трупа тоже деформировались, но были значительно крепче и намного больше размерами, чем у обычного человека. Именно поэтому четырёхкомпонентная пуля разорвалась только после встречи с затылочной костью черепа мутанта.

Нижней части затылка и некоторой части шеи у трупа просто не существовало. Вместо них красовалась неряшливая дыра в четыре кулака. Верхняя челюсть тоже деформирована той же пулей, но оставшиеся зубы поражали воображение. Они были не зубами человека, а, скорее, клыками дикого, доисторического зверя.

Губы превратились в багровые лепёшки. Нос в гротескное свиное рыло. Глаза, налитые кровью, в перепелиные желтки, прикрытые раздувшимися веками с синими прожилками. Прямой человеческий лоб в сплющенный лоб неандертальца. Волосы тоже изменили свой цвет и, вероятнее всего, структуру. Теперь это были кучерявые кудри коренных конгоидов – ярких представителей негроидной расы, но цвет самих волос был огненно-рыжим, а на ощупь они были жёсткими как стальная проволока.

Осматривать изуродованное мутацией тело особого желания у Платона не имелось, но очень тщательный досмотр принёс ещё девять, уже видимых им, жемчужин – две чёрные, четыре красные и три розовые. Последние три были даже не розовыми, а скорее перламутровыми и, как показалось Платону, светились изнутри мягким розовым цветом. Кроме этого, в отдельной плоской коробке во внутреннем кармане камуфляжного костюма хранились четырнадцать одноразовых шприцов с таким же наркотиком, но шесть доз выделялись более насыщенным оттенком оранжевого цвета.

При этом никаких денег, пластиковых карт, чеков или золотых украшений, которыми любят себя обвешивать представители некоторой части людского анклава, а особенно те самые асоциальные элементы или вожди папуасских племён, ни у кого из обыскиваемых Платоном трупов не было. В том числе это касалось и профессиональных солдат, напавших на колонну, так называемых внешников.

Мутант, без всякого сомнения, был командиром команды помощников внешников. И, кстати говоря, на бедре у него крепилось такое же оружие, что и убитого егерем внешника, обряженного в боевой скафандр. При ближайшем рассмотрении это выглядело как компактный пистолет-пулемёт с переделанной

под руку мутанта рукояткой.

Собственно говоря, делать здесь уже нечего – основную работу Платон сделал. В принципе можно было бы прилететь ещё пару раз и вытрясти грузовик с боеприпасами и забрать неизвестные ему виды стрелкового оружия. Не сильно много – по паре единиц каждого вида, да ещё раз осмотреть разбитые позиции автоматических гранатомётов. Может, можно восстановить хотя бы один из них – хозяйственному владельцу убежища всё пригодится.

По крайней мере, девять одноразовых противотанковых гранатомётов, валявшихся на разбитых позициях нападавших, Платон уже прибрал в собственную коллекцию. Жаль, что придётся отдать их следователям государственного следственного управления. Уж от такой «улики» они однозначно не откажутся.

Вернувшись домой, Платон после разгрузки экранопланов зашёл в избушку. Девушка не спала и чувствовала себя уже значительно лучше – по крайней мере, увидев входящего мужчину, она изобразила лёгкое смущение и прикрылась мягким пледом, лежащим на краю кровати.

Шуша уже подружилась с незнакомкой – валялась рядом и, зажмурив глаза, громко выражала своё удовольствие почесулькам да поглаживаниям. Если не знать, на что способна эта большая кошка, то можно легко подумать, что это самое обыкновенное приложение к спальному месту хозяина дома. На самом деле, самка просто усыпляла бдительность незнакомого ей человека и максимально приблизилась к потенциально опасному противнику. Одна из стандартных схем охранного поведения модифицированных животных.

– Ты уже чувствуешь себя лучше? – полувопросительно спросил Платон.

– Лучше. А как чувствуешь себя ты? – неожиданно спросила незнакомка. – Голова не болит? Не кружится? Сухости во рту нет? Общая слабость не ощущается? – продолжила она странный допрос.

– Голова у меня болит последние два года и будет болеть до конца жизни. Со слабостью такая же беда – очень быстро устаю. Вот полдня потягал тяжести и уже разваливаюсь. Держусь только на стимуляторах, да и те уже почти не помогают. Скоро свалюсь, – честно сказал Платон, скрывать что-либо он смысла

не видел.

– Что с тобой и сколько тебе лет?

– Тридцать… через два дня исполнится. Просто я попал под химическую атаку боеприпасами «Молот Аллаха». Очень сильная и редкая дрянь, запрещённая во всём мире, но некоторым командирам племенных отрядов африканского союза на законы всего мира откровенно наплевать, и если им удаётся купить такие боеприпасы, то они их применяют. На эти отряды сразу же спускают всех собак, но тем, кто попадает под химические атаки, от этого легче не становится. Ещё три года назад от «Молота Аллаха» не было никакого спасения, но меня вытащили практически с того света. Два с половиной года назад был изобретён антидот, блокирующий последствия воздействия модифицированных химических веществ на организм человека, но клинических испытаний препарат не прошёл. Все люди, которые попадали под предыдущие удары, на момент изобретения препарата уже умерли в страшных мучениях, а заражать здоровых людей или животных просто бессмысленно. «Молот Аллаха» на каждый вид живых организмов действует по-своему. Какие-то убивает сразу, какие-то через несколько часов, а некоторые дней или месяцев, поэтому подобрать универсальное количество вводимого антидота или хотя бы приблизиться к положительному результату никак не получалось. То же самое касается и людей. Дело в том, что недостаток антидота или его передозировка для организма человека одинаково фатальны. Из девятисот семидесяти семи людей нескольких человеческих рас, попавших под удар, в живых осталось всего шестеро тех, на кого подействовал антидот. Я в их числе. Теперь мне остаётся только глотать антидот и шлифовать всё это стимуляторами, ежечасно молясь, чтобы эта дрянь не взбрыкнула и не загнала меня в могилу. Если стимуляторы перестанут действовать или произойдёт какой-то сбой, в том числе и гормональный, то моя смерть будет далека от идеала.

– Понятно. Но я вынуждена тебя огорчить. Скорее всего, до своего дня рождения ты не доживёшь. Мы действительно в другом мире и большинство людей, попадающих в него, умирают в течение нескольких дней. Выживают единицы и кошки. Так что твои красавицы, наверное, выживут, а ты, скорее всего, нет. Прими это как данность. Ты солдат и должен понимать, что мне нет смысла тебе врать, – девушка замолчала.

– Дело ясное, что дело тёмное. Ну что ж – никто не живёт вечно. Я уже смирился со смертью. Днём раньше, днём позже. Главное, что умру в том доме, в котором

прошло моё детство. Поверь, это не самая плохая смерть и совсем неплохое место. Если ничего нельзя сделать, то я стащу тебе к кровати всё, что скажешь, и смотаюсь обратно к каравану. Я там патроны под свой карабин видел, да и вообще посмотрю хозяйственным глазом, что тебе может пригодиться. Единственное только, не знаю, как ты управишься без ног, а мои кошки тебе в этом не помощники. Себя они прокормят, а вот тебя нет, – говорить незнакомке о том, что грыси после смерти своего проводника могут слететь с катушек, Платон не стал.

Почему? Каждый выживает, как умеет. Будет время – скажет, нет – значит не судьба. По крайней мере, эта девочка умрёт, даже не зная, что умирает. Тоже не самая плохая смерть. Значительно лучшая, чем от ножей помощников внешников. То, что избушку при поиске тех, кто разгромил караван и вывез сокровища внешников, найдут, Платон ни капельки не сомневался.

– Странно… – протянула незнакомка. – Ты очень странно реагируешь на известие о собственной смерти. Это какая-то блокировка?

Платон усмехнулся.

– Да нет. Просто… я уже почти два года живу даже не по часам, а по минутам. Блокирующий антидот надо принимать каждые двенадцать часов. Опоздаю больше, чем на тридцать секунд – мучительная смерть гарантирована. Каждые восемь часов необходимо принимать стимулятор, поддерживающий организм, можно чаще, но на следующий день наступает упадок сил. Поэтому либо сейчас я лечу к каравану и по возвращении падаю рядом с тобой без сил на сутки, либо лечу туда завтра. Если ты не против, я бы полетел завтра – для сегодняшнего меня это предельная нагрузка. Пока я не всё осмотрел, и неплохо бы смотаться к каравану ещё хотя бы раз, но о собственном организме надо иногда заботиться. Особенно о таком хреновеньком. Сейчас прихвачу что-нибудь пожевать, сяду рядом с тобой и послушаю, что это за прекрасный и удивительный мир, в который мы с моими кошками угодили.

* * *

Если коротко, то сказочный рассказ Лики прозвучал приблизительно так.

Мир, в котором оказался Платон с грысями, называется Улей или Стикс. В некое измерение, непонятно, где находящееся, прилетают куски самых разнообразных миров. В своих мирах эти куски не исчезают, а просто-напросто копируются и появляются на Стиксе. Возникают со всеми людьми, животными, машинами и прочими материальными ценностями. И, разумеется, с оружием.

Куски территорий, кластеры, бывают самые разнообразные, а время перезагрузок этих территорий от нескольких часов до нескольких лет. Кластеры попадают в Стикс с городами или их частями, посёлками, деревнями, лесами, полями, озёрами и даже реками.

Территории, которые не перезагружаются, называются стабами, стабильными поселениями, и встречаются крайне редко. Стабильные поселения в мире Стикса выполняют функции городов со своими администрациями, вооружёнными силами, гостиницами и прочими благами цивилизации. Таких образований, как страны, в мире Стикса не существует.

Все живые существа, попавшие в Улей, заражаются неким паразитом, который живёт и развивается внутри носителя. Через укус заражение не передаётся, а достаётся носителю при попадании в Улей. Вероятнее всего, вместе со странным туманом, воняющим химической гадостью.

Большинство людей и животных при этом теряют своё сознание, перерождаются, и их тела со временем изменяются, таких называют не иммунными. Для изменения и последующей эволюции не иммунным требуется сырое мясо. Не иммунные испытывают постоянный голод и для его утоления бродят от кластера к кластеру, поедая вновь появившихся людей и животных.

Травоядные животные, козы, овцы и коровы, никогда не перерождаются. Также не перерождаются любые живые существа, в том числе и человеческие дети, весом менее пятнадцати килограммов и обыкновенные кошки.

Живые существа, неподверженные изменениям, называются иммунные. Изменению сознания и перерождению они не подвергаются и стараются выжить в новом для себя мире так, как у каждого из них получается. При этом люди получают самые разнообразные необычные умения, дары. Дары бывают полезные и не очень, но об этом несколько позднее.

В некоторых случаях иммунных выживает достаточно много, а новичкам принято помогать. По крайней мере, старожилы объясняют им, в какую архиерейскую странно проушину они попали. Это незыблемое правило для всех выживших и его стараются не нарушать, чтобы не разрушить свою карму. Это объяснение Лики было сказано на полном серьёзе – Платон чуть не заржал в голос, когда такое услышал.

Все выжившие иммунные разделяются на несколько категорий.

Первые – рейдеры. Одиночные или в составе небольших групп иммунных занимающиеся сбором материальных ценностей во вновь загрузившихся кластерах и отстрелом низших неиммунных. Этим занимается самая распространённая часть выживших. Практически во всех городах существуют организованные команды рейдеров, часто очень большие, вывозящие с перезагрузившихся кластеров материальные блага.

Вторые – трессеры. Хорошо слаженные и вооружённые современным оружием группы рейдеров. Трессеры занимаются отстрелом средних и высших не иммунных и сбором с них споранов, гороха и жемчужин. На это, собственно, и живут. О данных бонусах несколько позже.

Третья – стронги. Самая редкая часть иммунных, выживающих в Улье несколько лет и занимающихся уничтожением внешников и муров. Ребята суровые и крутые, как варёные страусиные яйца, но раз они рискуют нападать десятком человек на колонну бронетехники, с собственной башкой не дружащие конкретно.

Четвёртая – внешники. Представители цивилизаций, самостоятельно нашедших дорогу в мир Стикса. Внешники хорошо вооружены и экипированы, но так же, как и те, кто попадает в Улей, подвержены заражению и вынуждены ходить в скафандрах, чтобы не заразиться вышеупомянутым паразитом.

Цивилизаций внешников несколько, а основная цель их помимо научной деятельности – это выжившие иммунные. То есть внешники ловят их и разбирают на внутренние органы для получения лекарственных препаратов, используемых в их мирах. Чем больше иммунный прожил под небом Стикса, тем он ценнее для поисковых команд внешников.

Пятые – муры. Расшифровывается как «моральные уроды». Иммунные, работающие на внешников за оружие, боеприпасы, экипировку и прочие материальные блага. Твари беспринципные и нечистые на руку.

Правил у муров никаких нет, и никогда не было. Им что ребёнка на запчасти разобрать, что беременную женщину изнасиловать и зарезать, что спи… украсть у своих покровителей то, что плохо лежит. За что, собственно говоря, они сами часто ложатся под нож хирургов-внешников. Далеко не по собственной воле, разумеется.

Основное правило в отношении внешников и муров только одно и звучит оно просто: убей внешника и мура. Общаться с ними нельзя ни под каким предлогом.

Платон слушал незнакомку и относился к её словам как к народным сказкам. Мозг девушки, накачанный наркотиками, и не такое может придумать, но теоретически допустить копирование объектов на определённой территории Платон мог. Тем более, что в этом случае всё становилось на свои места. И мгновенное изменение климата, и известные и неизвестные Платону растения субтропического пояса, и даже поведение грысей – всё вкладывалось в стройную логическую цепочку этого необычного рассказа.

Не сильно поверил Платон и в легенду о появлении этих споранов и гороха – странных виноградин и не менее странного сахара. Они вырастают в затылках монстров – чем больше тварь эволюционировала, тем больше подарков с неё можно взять.

Оказывается, серо-зелёные виноградины, спораны, надо растворять в водке, разбавлять водой, процеживать через марлю и пить тогда, когда потребует твой собственный организм, но не меньше двух раз в день. Странный сахар под названием горох надо растворять в уксусе, гасить мерзкий вкус содой, так же процеживать и тоже употреблять внутрь, но необязательно, а жемчуг можно глотать и так.

Последние две позиции дают развитие очередных странностей Улья под названием дары. Но с этим кому как повезёт: кто предметы может копировать – ксеры, кто правду от лжи отличает – ментаты, кто живым радаром работает – сенсоры, а кто может пушинку взглядом со стола поднять или измерить температуру собственного тела без градусника.

И вообще, этих даров вагон и маленькая тележка – Платону при их перечислении Ликой стало откровенно скучно. Уж больно сильно закручено. Но чего только в жизни не бывает?

Те же сверхспособности, о которых столь необычно поведала незнакомка, не вызвали у Платона такого сильного внутреннего отторжения. Ну, способности… ну, сверх – живой организм ещё и не на такое способен, а если его развивать, то и подавно. Грыси этому яркое подтверждение. Да и на Африканском континенте кое-что Платону повидать удалось. Скажем так – не слишком обычное. Одни колдуны – брохондогоры чего стоят. Те ещё затейники, с ног до головы обвешанные человеческими костями.

А вот известие о сверхбыстрой регенерации и отрастающих конечностях Платон сразу принял на веру. Слишком быстро пленница с оторванными выше колен ногами и отрезанными пальцами пришла в себя. Да и так называемые муры добавили девушке достаточно серьёзных повреждений – всё тело было в глубоких, в некоторых местах до костей, порезах.

Но несмотря на тяжёлые ранения и потерю нижних конечностей незнакомка прямо на глазах приходила в себя и уже сама ела и пила, и вечером даже самостоятельно сменила себе памперс. Утром и днём памперсы менял Платон – регенерация регенерацией, а ускоренный обмен веществ, подстёгнутый ударными дозами лекарственных препаратов, никто не отменял, и переработанная организмом жидкость удалялась естественным путём.

Правда, помимо медикаментозного лечения девушка очень много пила этого самого живчика из самых разных фляг, что надёргал с трупов Платон. Лика сказала, что это питьё подстёгивает регенерацию. Запах напитка был ужасающий и практически всегда алкогольный, а сам алкоголь в этих коктейлях попадался самый разнообразный.

Платону регенерация была не нужна, поэтому жидкость его не заинтересовала, а девушка не сильно настаивала на его приёме. Сказала, что Платону это необязательно.

Имперский егерь не был специалистом по алкогольным напиткам, но вот отставному гранд-прапорщику приходилось пробовать всякое. От дедовской семидесятипятиградусной брусничной настойки до достаточно экзотической на

африканском континенте водки со змеёй внутри.

Откуда такая нарядная бутылка взялась за походно-праздничным столом, никто из сослуживцев Платона особенно не вникал – накатили и забыли. Тем более, что досталось каждому по напёрстку, а право выпить они в тот вечер имели полное и законное: и обмывали награды, и поминали погибших. На войне эти два события случаются достаточно часто и не менее часто одновременно.

Ах, простите! Конечно же, не на войне, а на миротворческой операции объединённого мирового альянса, а по-простому МООМА. Некоторые шутники называли этот бардак «грёбанной мамой», но у пластунов сие название не прижилось.

Хорошо, что тогда заспиртованным червяком не закусили. Повезло ему – Сашка Воронецкий грозился, но выковырять рептилию, не повредив её хорошо продезинфицированной шкурки, так и не смог. Словом, скинули бутылку с невольным пленником под стол, а наутро денщик со всем остальным мусором выкинул пустую стекляшку от греха подальше – с похмелья господа офицеры могли вспомнить об опрометчиво данном обещании и червяку точно бы не поздоровилось.

Ротмистр Воронецкий имел репутацию человека, всегда выполняющего свои слова, и закусить или позавтракать хорошо проспиртованной змейкой мог влегкую (или похмелиться – это уж как пойдёт). Тем более, что обычными змеями лихой ротмистр никогда не брезговал.

В рейдах и разведках чего только жрать не приходилось. Бывало, что и живьём, а уж в сыром или полупрожаренном виде столько змей да ящериц сгинуло в бездонных утробах пластунов, что на приличный серпентарий наберётся.

Эту историю и несколько других смешных случаев Платон рассказал незнакомке в лицах, и она долго и заливисто хохотала над находчивыми пластунами. Рассказывал, разумеется, без всяких кровавых подробностей вроде вываленных осколками кишок, отрубленных конечностей или сожжённых акциями устрашения африканских селений и мелких племён.

К примеру, за применение того же «Молота Аллаха» виновников выжигали всех до единого без какого-либо исключения. Вместе с многочисленными жёнами и

новорождёнными детьми. Да и соседям фанатиков отвешивали огнесмесей и фугасных подарков без всякой жалости или сожаления.

В общем, вечер прошёл, как говорят, в тёплой и дружеской обстановке – понарассказывали друг другу сказок и, поужинав продуктовыми комплектами внешников, надо сказать, совсем недурственными на вкус, завалились спать. Девушка, представившаяся Ликой, на кровати хозяина дома, Платон на импровизированном ложе на полу. Ему, в конце концов, не привыкать, а девушку покараулит Шуша.

После того как Лика попросила вернуть ей оружие и получила пистолет и штурмовую винтовку с боеприпасами, жизнь её повисла на кончиках когтей, спрятанных в мягких лапах боевого охранного модуля имперского егеря.

Глава 3

Наутро Лике стало хуже – появился жар, и пришлось ставить ещё пару капельниц и обкалывать девушку её любимой наркотой. Поэтому завтрак получился скомканным и уже через четверть часа Лика уснула.

Платон же напротив чувствовал себя значительно лучше, чем в предыдущие дни. От усталости не осталось и следа, голова не болела и была ясной, пропали боли в суставах и даже имплантаты конечностей не доставляли никаких неудобств. Фантастика, да и только. Единственное – пить всё время хотелось, да вспотел, как будто опять в пустыне Сахаре побывал, но всё всегда хорошо не бывает. Это отставной гранд-прапорщик крепко усвоил. Обязательно какая-нибудь бяка откуда-то вылезет.

То, что Платон на улице вчера выгрузил, он давно в ангар перегрузил. Вот только внешник так и валялся в кустах у озера – егерь его туда оттащил, чтобы не мешался под ногами. Скафандр-то с него Платон так и не снял – и так ноги под вечер едва таскал.

Лика уже давно спала, а внешника Платон решил оставить на вечер. В скафандре ничего с ним не случится, а протухнет, так скафандр не только

внешнюю среду туда не пускает. Оттуда тоже запахи не пробиваются, а потом его можно продезинфицировать и проветрить. Ведь как-то эта инопланетная шкурка должна открываться?

Словом, загрузились они с Тигром в экраноплан, оставили Шушу на хозяйстве, она как раз в кустики сквозанула по своим естественным надобностям, и опять в четыре машины рванули к разгромленному каравану.

Что Платона дёрнуло ещё издали поле боя осмотреть? Привычка, наверное. Между машинами мельтешили какие-то фигурки. Издали на людей похожие, но не люди, как оказалось чуть позже. Совсем не люди.

Платон ошибку совершил – на подлёте глушилку не включил и фигурки рассыпались и попрятались. Кто в кустах, кто за машинами затаился, а один вообще в кузов грузовика запрыгнул. Ну, а раз они уже засекли экраноплан, то и бегать от них смысла никакого не было, и Платон с маха посадил свою летающую вереницу, метров пятьдесят не долетев до самой крайней сгоревшей машины, бывшей в своей прошлой жизни иностранным внедорожником.

Опасаться было нечего – бронирование разведывательного экраноплана легко держало пули любого известного отставному гранд-прапорщику стрелкового оружия. Тут-то они на Платона и накинулись. Всей толпой. Те самые мутанты из сказок Лики-сказительницы.

Платон в юности, конечно, ради смеха смотрел всякие детские ужасы про оживших мертвецов, зомби и прочую подобную ересь, но эти ребята смешными совсем не выглядели.

Первыми из кустов выскочили трое очень необычных шустряков. Особо разглядывать их времени не было, и Платон ухватил только самую суть их внешности: здоровенные, как на подбор, мрачные мужики под два метра ростом и похожие внешним видом на вчерашнего красавца в шлеме, только с первичными половыми признаками наперевес. Так сказать, обнажёнка в натуральную величину, но до Аполлона им всем как до Венеры Итальянской. (Далеко, если выражаться одним словом).

Большущие лопаты ладоней с громадными когтями на раскинутых в стороны или вытянутых вперёд руках. Как они при этом бегать умудряются? Широкие плечи,

гипертрофированные мышцы, мощные босые ноги, перевитые жгутами сухожилий. Уже видимый Платоном покатый лоб питекантропа, только почему-то лысый как коленка. Челюсти на добродушном радостно оскаленном мордометре тоже поражают воображение, да и зубы от зубов их покойного братишки вряд ли хоть чем-то отличаются.

Ну, а раз их брательник, словивший вчера композитную пулю прямо зубами, без лишних разговоров откинул копыта, то и эти ребятишки смертны. Что Платон им сразу же и доказал. Штурмовой карабин закашлял двойками и шустряки один за другим принялись раскидывать мозги по кустарнику.

С последним егерь сначала поэкспериментировал – засадил ему двойку в грудь, но убить эту шуструю «шпалу» не убил, тот лишь слегка, как бы нехотя, притормозил, а потом продолжил свой целеустремлённый бег. Впрочем, только затем, чтобы получить следующую двойку в левое колено.

Нога осталась на обочине, а расстроенный донельзя шустряк, оставляя на асфальте кровавые кляксы и куски грязной серой кожи, покатился по дороге. Странно, но он, по мнению Платона, даже не заметил, что лишился ноги, поэтому пришлось поставить точку. Понятно, что в лобешник, а покатый это лоб питекантропа или классический благородный, такому боеприпасу откровенно всё равно.

Шустряк раскинул мозгами по обочине, (его пулями туда откинуло), а вдоль каравана уже неслись следующие любители сырого, но пока ещё живого мяса. В этот раз двое – такой же двухметровый амбал и ещё один, Платон его сначала услышал, и сразу же вспомнил Ликино название и характеристику этого существа – топтун. Название это Платону отчего-то вчера запомнилась. Наверное, по аналогии с Топтыгиным.

С братом-близнецом тройняшек егерь расправился так же быстро – двумя двойками. Первой в грудь притормозить, второй в голову уложить и тут же сменить полупустой двадцатиразрядный магазин со штурмовым боеприпасом на полный с бронебойным. Ибо характеристики машины смерти, надвигающейся сразу за предшественником, валяющимся около крайнего грузовика, были несколько иные.

Во-первых, стук каблуков модницы, разгуливающей по бульвару. Ну ладно, не разгуливающей, а бешено несущейся по длинному деревянному помосту, установленному безумным архитектором в абсолютно пустом гимнастическом зале. Рост под два метра, а то и поболе. Сам по себе массивный, но при этом быстро бегает и уже вынесся на финишную прямую.

Во-вторых, с человеком это уже ничего общего не имело кроме хождения, а в данном случае стремительного бега, на двух ногах. Размерами много больше предшественника – приблизительно раза в полтора. Толстое туловище, покрытое хитиновыми пластинами или ороговевшей кожей в его верхней части и на голове. Ничего не имеющая общего со ртом человека пасть под покатым медвежьим лбом. Руки начинаются чуть ли не от шеи, которой практически нет, и по толщине соответствуют ногам шустряков. В общем, красавец-мужчина. Впрочем, мужчина или женщина, непонятно, ибо первичные половые признаки отсутствуют напрочь.

Автомат закашлял такими же двойками и по туловищу, но видимого результата это не дало. Бег если и замедлился, то ненамного, и Платон перенёс огонь на голову. Первые две пары ушли в «молоко» – «Топтыгин» оказался не только массивным, но и шустрым как электрический веник.

Нельзя сказать, что сильно развившийся не иммунный сознательно уворачивался, но мотало его прилично, пока одна из пуль не попала этому громиле в нижнюю часть головы. Платон не сказал бы, что «Топтыгин» по этой причине сильно расстроился, просто чуть притормозил и тут же словил головой следующую пару бронебойных пуль, уложивших его прямо рядом со сгоревшим джипом.

Платон перевёл дух, автоматически меняя магазин – руки делали всё сами, и… вот тут-то, если честно, ему бы и крандец пришёл, потому что тварь, появившаяся сбоку, выглядела как порождение ночного кошмара. Мало того… она соткалась как будто из воздуха в десяти метрах от экраноплана. Только что этой тварины не было – дорога оставалась пустой. Миг, лёгкое мерцание и… прямо на дороге появилось животное? Человек? Чем это было изначально? Бабуином-переростком?

Платон оторопел, но хорошо, когда у тебя есть друзья. Всю дорогу и до сих пор спокойно сидящий в экраноплане Тигр выметнулся наружу как белка-летяга, с просто-таки потрясающей грацией и препротивнейшим мявом. Егерю

показалось, что его приятель на несколько мгновений, распластавшись, завис в воздухе.

В этом боевом кличе было всё – и дикий страх, и бешеный азарт, и воинствующий вызов. Ловкое, пятнистое тело выпрыгнуло на полтора метра вверх и немного в сторону и, мягко приземлившись на спружинившие лапы, рвануло прямо на монстра.

Оторопели все: Платон, монстр, птички в лесу, кузнечики в пыльной траве и ангелы на небесах, с лёгким обалдением глядящие на это беспрецедентное, а главное, совершенно бесплатное представление. Да и сам камикадзе, несущийся на таран твари в десятки раз тяжелее его, наверняка, тоже.

Но в отличие от ошеломлённых его бенефисом зрителей, у Тигра был чёткий и продуманный план. Приземлившись на асфальт прямо перед экранопланом, он сделал ещё один полутораметровый скачок в сторону противника, в одно касание ушёл на обочину, а затем рванул в лес перпендикулярно дороге.

Платон ещё только разворачивал карабин, понимая, что Тигр дал ему те самые недостающие для открытия огня мгновения, как монстр коротко, но мощно взрыкнув, развернулся и рванул прямо за суматошно скачущим к лесу помощником егеря. Такого подарка Платон не ожидал, но не преминул им воспользоваться.

Палец мгновенно перевёл переводчик огня на пятипатронную очередь, и Платон раз за разом принялся вколачивать злые бронебойные гостинцы прямо в открывшуюся его взору массивную мишень.

Первая очередь попала низко – куда-то в поясницу. Вторая выше – в прикрытые бронёй лопатки. Третья ещё выше, в уродливый горб, тоже спрятавшийся за мощной костяной бронёй.

Стрелял Платон быстро, но без особенного результата. Пули без видимого вреда рикошетили от броневого пояса монстра. Некоторые, наверное, пробивали его, но только после третьей очереди у монстра внезапно подогнулись лапы и он, сделав ещё один неуверенный шаг, плашмя рухнул на жалкое подобие кустарника, мимо которого только что просвистел Тигр, придавив чахлую изумрудную поросль тяжёлой тушей.

Финита ля комедия.

Платона потряхивало… Да какое там! Платона колбасило как припадочного – руки ходили ходуном, тело покрылось липким потом, зубы выбивали дробь. Избыток адреналина зашкаливал, но егерю всё равно не хватало кислорода – он дышал как паровоз и никак не мог надышаться.

Вашу ж мать! Как говорил старинный друг и сослуживец дедушки Платона, дед Тимоха: «Кино и немцы, вот это номер – я чуть не помер».

Немцев старший урядник Тимофей Дорофеев очень уважал и знал, что говорил. Он с немцами в двух конфликтах хлестался. Один раз с ними плечо о плечо. Второй – против, но тогда не с сухопутными войсками Германской императорской армии, а с наёмным отрядом племенного африканского союза.

Помереть Платон не помер, но чуть не обделался, это точно. Ошарашенный егерь даже не заметил, что минутой ранее ломившийся с грацией гиппопотама по лесу Тигр уже вернулся и с удивлением изучает своего поверженного противника.

Тигр изучает, а его хозяин штаны проветривает! Платон в сердцах даже сплюнул, сменил магазин и неуклюже полез из экраноплана.

Да-а-а-а уж. Монстр поражал воображение: два метра сорок семь сантиметров (Платон специально измерил) теперь уже (слава тебе господи!) в длину, а не в высоту. Что не могло не радовать.

Костяная броня по кругу опоясывала местную гигантскую чупакабру сплошным щитом (в подмышечной области вроде поменьше). Но как проверить? Не тратить же на эксперименты редкие патроны, а ножом даже поцарапать не удаётся. Вес на глазок никак не меньше тонны, а то как бы и не поболее.

Руки напоминают бетонные шпалы с локтевыми и кистевыми утолщениями. Если такой дланью по собственной чавке огрести – получившийся из головы блин улетит на низкую орбиту в космос и там останется. Потому что в безвоздушном пространстве безопаснее.

Ноги – бетонные колонны в два раза толще рук. Когти длиной с прапрапрадедушкин кинжал, только массивнее и острее раза в три.

Голова… Бедняга! Кто ж тебя так бетонной плитой-то в детстве отоварил? Сплющенная черепушка, казалось, вошла в плечи. Интересно, там после удара мозг сохранился или всё самостоятельно через нижний клапан на волю утекло?

Ну, ты и отрастил себе ряху братан! Зубы… Выбить бы тебе их и продать кому-нибудь на пилораму – доски будут пилить получше циркулярки. Вот только, чем их выбивать? Кувалдо?метра рядом не наблюдается.

Налюбовавшись на красавца, Платон вытащил из нагрудного подсумка рпски трубку сотового телефона и включил встроенную видеокамеру – надо было запечатлеть парня со товарищи для истории ещё на один носитель. Чем Платон последующие двадцать минут и занимался.

Уже заканчивая видеосъёмку, егерь вспомнил слова раненой девушки о начинке в загривке монстров. Только вот, чем их расковыривать? «Шустряки» поддались ножу, «Топтыгин» тоже недолго сопротивлялся, а вот чтобы достать «драгоценности» из монстра, пришлось сходить к грузовику – Платон вчера в одной из кабин топор видел.

Фу-у-у-у-у… ну, них… чего себе. Встречались в жизни Платона людоеды – было дело. На Африканском континенте приходилось на них иногда любоваться, перед тем как в костёр определяли, но от увиденного зрелища содержимое желудка попросилось наружу. Да и запах стоял такой что…

Теперь наружу попросился ещё и сам желудок. Хорошо, что пока один из важнейших внутренних органов имперского егеря самостоятельно не отправился в недалёкий путь – Платон опять едва сдержал рвотные позывы.

М-мать вашу! Понятное дело, с чего монстр и компания были до такой степени недовольны. Платон тоже не любит, когда его отрывают от завтрака. Количество тел представителей асоциальных элементов, ещё вчера густо набросанных вдоль каравана, сегодня здорово подсократилось. Удачно, что Платон вчера их обыскал – сегодня это было бы несколько проблематично.

Оставшееся оружие, в беспорядке валявшееся вокруг машин, монстры не тронули, а вот трупы серьёзно подъели. Поэтому пустые разгрузки, висевшие раньше на трупах, мягко говоря, пришли в негодность. Боеприпасы и личные вещи Платон ещё вчера выгреб – трофеи дело святое, а тонкая грань между мародёркой и личными трофеями у Платона стёрлась ещё в африканских джунглях.

Одежда и обувь, у кого были, тоже накрылись медным тазом, а два трупа сидевших раньше в кабинах машин… в общем, понятно. Теперь они в разобранном состоянии сидят у кого-то в желудках. Да и так картинка была как из качественного фильма ужасов: запёкшаяся кровь, обглоданные и разгрызенные кости, содержимое кишечников, пожёванные черепа.

Топор Платон нашёл, а заодно обыскал бардачки машин, ничего путного не найдя, кроме укороченного револьвера огромного калибра с двумя пачками патронов для него. Наверное, оружие последнего шанса. С такими соседями в обнимку с гранатомётом будешь засыпать, а не с этой пукалкой – револьверы Платон не уважал. Всё остальное на видимом ему пространстве было заляпано кровью и облеплено полчищами мух.

Монстра Платон вскрыл, хотя помахать топором, и, соответственно, заляпать себя и окружающую природу его кровью и мерзкой на вид и запах слизью всё же пришлось. Всех остальных его родственничков тоже почистил.

Всё было, как рассказывала Лика. У «Шустрых» и «Топтыгина» спораны и горох. У их предводителя горох, спораны и две чёрные жемчужины. Вот только у свиты внутренности чёрные, а у «предводителя местного дворянства» всё обёрнуто оранжевыми нитями, по цвету здорово напоминающими Ликину наркоту.

Как её там? Спек, что ли? Вот, пожалуй, и всё. Нити Платон тоже выгреб и прибрал в прихваченный в одной из машин пакет, а спораны и горох распихал по коробкам недавно скончавшихся помощников внешников. У них у каждого имелись такие специальные коробочки для хранения подобных сюрпризов.

Дальше по накатанной. Загрузил экранопланы оружием и боеприпасами, особенно ничего не рассматривая – это всегда успеется, а не успеется, значит, кто-то другой рассмотрит. Отметил только то, что стрелковое оружие в основном крупных калибров (меньше чем в девять миллиметров стволов и

боеприпасов ни одного не было), а противотанковое выражено только одноразовыми противотанковыми гранатомётами двух типов.

Впрочем, нет. Были ещё гранатомёты, похожие на имперские универсальные. По местной маркировке РПГ-7. (Ракетные противотанковые, что ли?). Целых десять пусковых установок.

Простые как топор – наводи вручную да нажимай на спуск. Главное, чтобы сзади никто не стоял – поджарится. И, видимо, с такой же результативностью на поле боя – как и топором, главное, не промахнуться по цели, а там, куда ни попадёт, никому мало не покажется.

Если бы из этого гранатомёта Платон зарядил по «предводителю дворянства», то собирать с него было бы уже нечего – калибр в головной части около ста миллиметров, а сама граната весит от двух до приблизительно пяти килограммов. В упор от этого «ночного кошмара» одни ласты бы остались. Да и те не сильно целые.

Боеприпасы к гранатомётам тоже были – осколочные (это понятно, против людской живой силы), термобарические (это что за зверь?), тандемно-кумулятивные (хорошая штука – танки и «предводителей местного дворянства» отстреливать самое оно) и просто кумулятивные (это не сильно понятно зачем – тандемно-кумулятивные же есть).

Таких гранатометных комплексов, которыми пользовались нападавшие, в грузовике не было и в помине. Разве что багажник одного из внедорожников порадовал тремя револьверными гранатомётами с солидным запасом боеприпасов и несколькими ящиками, по всей вероятности, осколочных гранат. Маркировка на ящиках Платону была абсолютно не знакома, а внешний вид здорово походил на первые прототипы ручных гранат серии Ф.

Позиции гранатометных комплексов Платон прошерстил ещё раз и забрал все раскуроченные установки в надежде собрать одну, если не полностью работоспособную, так хотя бы красиво выглядящую. Совсем не затем, чтобы повесить её на стенку, а исключительно, чтобы попробовать отремонтировать – чуть подальше в кустах нарезающий круги Тигр обнаружил небольшой склад боеприпасов и личных вещей нападавших.

Вообще-то, в нападении и в самих нападавших было слишком много странного, а пояснения Лики только всё запутывали. То, что она говорит далеко не всю правду, понятно. Но по какой причине?

Допустим, основная цель нападения – это транспорт внешников и его содержимое, но ходовая часть машин была раскурочена, а грузовики муров практически уничтожены – то есть, на них уже не покатаешься. Тогда на чём нападавшие собирались вывозить груз, перевозимый транспортным модулем внешников?

Или цель нападения всё же иная? А если всё-таки груз, то тогда где-то недалеко стоит транспорт нападавших. Другого ответа быть не может, но Лика об этом молчит, а значит надо держаться очень настороже. Просто потому, что почти наверняка вместе с транспортом нападавших находятся и те, кто его охраняет.

Собственно говоря, сомнения в искренности гостьи у Платона возникли ещё вчера. Поэтому сегодня в состав медикаментозного коктейля он включил тройную дозу снотворного препарата, а когда девушка уснула, быстренько раскидал её оружие и выдернул из него ударники. Так – исключительно профилактически. Нельзя поворачиваться спиной к человеку, который тебе лжёт. Опасно для жизни, даже такой короткой, как у Платона.

Имелось ещё одно необъяснимо странное обстоятельство. Вчера Платон таскал короба внешников и уже к середине дня, несмотря на ударную дозу стимуляторов, был готов развалиться на куски. А сегодня перекидал двенадцать с лишним тонн боеприпасов, кучу оружия, снял два крупнокалиберных пулемёта с вертлюгов внедорожников, прочесал кусты да загрузил гранатометные комплексы, и ни в одном глазу. Не говоря уже о нервотрёпке с монстром и его командой. (О качественно продутых из заднего клапана штанах ни Платон, ни Тигр ни на секунду не забывали).

Платон даже дополнительно стимуляторы не принимал, а чувствует себя так, будто только что проснулся. Чудеса, да и только. Пить только всё время хочется – пять литров витаминизированной воды из аварийного комплекта выдул, а такое впечатление, что и не пил вовсе.

Домой Платон вернулся, сделав приличный круг, а не вёл машины напрямую, как вчера, и сначала посадил загруженные экранопланы прямо на воду поближе к

дальнему берегу, включив на остающихся машинах режим маскировки. Теперь машины ни сверху, ни с любой из сторон никто в упор не увидит, а на мнение рыбок, даже реликтовых, Платону нагадить с поверхности воды – с каждой божьей тварью не насоветуешься. Это, кстати, пришлось сделать прямо с борта экраноплана, но рыбки не обиделись.

Затем егерь довооружил своего разведчика гранатомётами и боеприпасами к ним и вернулся обратно к каравану. Заодно и воды в озере набрал – жажда так и не проходила и начала достаточно прилично побаливать голова. Стимуляторы Платон заглотил, но видимого облегчения они не принесли.

Подлетев к дороге, егерь к самому каравану не полетел, а не слишком быстро – километров шестьдесят в час, – двинулся в беззвучном режиме вдоль дороги туда, откуда приехала колонна, справедливо рассудив, что транспорт нападавших может стоять только в той стороне и совсем недалеко от дороги.

Кто-то ведь должен был доложить командиру больных на всю голову нападавших о прохождении колонны и о составе и расположении техники в ней. Без грамотного целеуказания нападение было бы не нападением, а бесполезным пшиком – только людей ни за понюх табака положишь. Что, в принципе, и произошло.

Пролетев немногим более тридцати километров, егерь перевёл экраноплан на ту сторону дороги поближе к лесу и так же медленно двинулся обратно.

Ну, да. Вот они – стоят на крохотной полянке, плотно прижавшись друг к другу. Как Платон и предполагал, три обвешанных дополнительным листовым железом грузовика и три бронированных внедорожника, тщательно прикрытые маскировочными сетями. Крупных биологических объектов в радиусе пятисот метров нет. Съезд с дороги тщательно замаскирован, но с воздуха хорошо заметен, если уметь правильно и под нужным ракурсом смотреть.

На всякий случай Платон нарезал три круга, постепенно расширяя радиус, но живых ни в каком режиме так и не обнаружил. Живых не обнаружил, а обгрызенные кости Тигр нашёл почти сразу. Шестеро их было.

Судя по следам, именно отсюда пришла та стая монстров, которая завтракала на поле боя. Что здесь произошло, можно только догадываться, но если

«предводитель дворянства» обладал даром маскировки, то всё становится на свои места – монстр дождался, когда все шестеро столпились недалеко друг от друга рядом с одним из внедорожников, нанёс несколько ударов и приступил к трапезе.

Гильзы вокруг отсутствуют, а вдавленные в землю автоматические карабины калибра… Какие здесь патроны?

Платон отомкнул магазин и выщелкнул один патрон. Ага! семь шестьдесят два на тридцать девять – имперский пехотный стандарт. Нагара в стволе карабина нет, с предохранителя не снят, патрон в патроннике отсутствует, а это значит, что мужчины даже за оружие схватиться не успели.

Монстры их убили, съели и пошли дальше – на звук затихающего боя, но ко времени их прибытия Платон оттуда уже улетел, и ему повезло, что обратно он вернулся только ранним утром. Транзитная бригада к тому времени уже нажралась халявного угощения, расслабилась и, нарвавшись на бесстрашного Тигра и обосра… сильно испугавшегося егеря с крупнокалиберным карабином и привычным желанием подороже продать свою жизнь, полегла в полном составе.

Обыскивал машины Платон аккуратно – народу на якобы бесхозном и открытом транспорте полегло немерено. Терпение его было вознаграждено, но сюрпризы стояли простенькие – на движение транспортных средств. По паре осколочных гранат под колёсами и у бензобаков на единицу грузовой машинерии (внедорожники заминированы не были) и по одному дистанционному фугасу на удаление транспорта от датчика, расположенного в семи метрах от машин. Тигр обнаружил датчик достаточно быстро, но всё равно кататься на машинах Платон не собирался.

Грузовые машины стандартные для этого мира – обвешанные толстыми листами железа борта, узкие бойницы, решётки на окнах и башенки с крупнокалиберными пулемётами на крышах. Пулемёты Платону не сильно требовались – в одно лицо их с крыши грузовика снимать задолбаешься, а вот патроны к ним он выгреб все. Не так уж и много их было.

Зато в одном из грузовиков стояло шесть ящиков с патронами калибра двенадцать и семь на карабин Платона. Маркировка незнакомая, но по внешнему виду один в один.

Все остальное место в грузовиках оставалось свободно, что только подтверждало догадку Платона. Именно на этих грузовых машинах стронги собирались вывозить свои трофеи.

Впрочем, несколько позднее крупнокалиберные пулемёты с внедорожников Платон всё-таки снял. Они стояли в спарке с автоматическими гранатомётами, а багажники машин были под завязку заполнены коробами с пулемётными лентами, патронами в цинках и гранатомётными улитками.

Подчистил продукты, забрал личные вещи – большой, раскладывающийся, бронированный планшет-книжку, пару очень неплохих биноклей, несколько полных фляг, три тепловизора, наколенники, кожаные перчатки без пальцев (удобная штука!), большой фонарь и ещё кучу самой различной мелочёвки.

Пришлось прихватывать ещё и здоровенный полупустой рюкзак, состоящий из трёх отделений. Вот в нём и нашёл егерь то, что тщательно искал на поле боя – две карты. Одну ближайшей округи, заполненную непонятными значками, а вторую, крупномасштабную – обитаемых земель, тоже с какими-то отметками.

Разбираться Платон сразу не стал – смысла это не имело. Да и голова разболелась совершенно не по-детски, а жажда стала уже навязчивой и руки сами открутили крышку на найденной в машине фляге.

Вонючая, пахнущая алкоголем жидкость ухнула в желудок. Платон и не заметил, как одним махом ополовинил флягу и только после этого понял, что это не вода.

Драный качкалдак! Чем от этого пойла несёт? Ковром, последние двадцать лет своей бесконечной жизни пролежавшим в собачьей будке?

Но как сказал всё тот же гранд-майор Сабиров на банкете, посвящённом окончанию курса Платона Гордеева годичного обучения в учебном полку, выкатив перед ошарашенными корнетами четыре ведерных бутыли чистейшего спирта: «Водку? Тёплую? В женском клозете из мыльницы? Не могу отказаться! И вообще, господа! Пейте, чем угощают. Морщить сфинктер будете на том свете».

Выпил, передёрнуло, завинтил крышку, хотел выкинуть флягу с этим гов… живцом как можно дальше и неожиданно понял, что жажда донимает его всё

меньше, голова как по мановению волшебной палочки прошла, а состояние и настроение поднялись на несколько порядков.

Приплыли. Платон ошарашенно глядел на флягу с «лекарством». Это что же получается – он иммунный и ему эти жидкие экскременты пить остаток своей бесконечной жизни?

О том, что все жители этого «прекрасного и удивительного мира» по имени Стикс живут вечно и ничем кроме поноса (в смысле, пищевого отравления и отравления свинцом) не болеют, Платон тоже вчера услышал. А раз такое дело, то им с грысями пора пить красные жемчужины. Их накопилось раз в шесть больше чёрных, хотя, по словам раненой девушки, красный жемчуг значительно ценнее и безопаснее при приёме.

Информации из накачанной наркотиками гостьи Платон вчера насобирал много, и хотя и не принял все её слова на веру, запомнил каждый произнесённый девушкой звук. Тем более что бытовые и общие подробности Лика и не скрывала.

…Не скрывала… не скрывала… а что скрывала? Платон так и сел, где стоял. (То есть, на подножку грузовика).

Вот остолоп-то! Незнакомка упорно уводила разговор на местонахождение заимки, а Платон дал только пару общих деталей и приблизительное направление, умолчав о том, что заимка находится совсем рядом с дорогой.

А что девушка в своём забавном бреду говорила о стабе муров? Правильно – она говорила, что стаб находится где-то рядом, но они не смогли его найти. (То есть опять, мягко говоря, лукавила).

Не найти большой посёлок, окружённый четырёхметровым забором, построенным из бетонных блоков? (А иные заборы рядом с такими прелестными «соседями» долго не продержатся). Ню-ню! Свежо предание, да верится с трудом.

Не нашли или не искали? Выходит, что напавшие на караван стронги знали не только время прохождения каравана, но и местонахождение стаба муров и он, этот стаб, однозначно отмечен на найденной Платоном карте.

Что же получается? А получается, что Лика знает, где находится стаб муров, или может предполагать его местонахождение.

Что она там говорила? Стаб это место, где не бывает перезагрузок? А стаб Лесной, или как его чаще называют Сосновый, находится среди корабельного соснового леса, окружающего территорию стаба на многие десятки километров.

При этом некоторые куски этого леса периодически перезагружаются, но происходит это крайне редко. Раз в семь-десять лет, а некоторые кластеры и того больше. Поэтому стаб Сосновый так и ценен – в шаговой доступности нет быстрых кластеров с огромными толпами монстров, кочующих от кластера к кластеру в поисках халявной и беззащитной жрачки.

При этом Сосновый окружён лесами, болотами и крупными озёрами с достаточно большими островами. То есть хорошо защищёнными территориями, контролируемыми бандой кровавых отморозков под защитой представителей цивилизации, ушедшей в своём развитии далеко вперёд.

По словам Лики, база внешников находится в четырёхстах километрах от стаба Сосновый. Для грузового экраноплана или, как их здесь называют, вертолёта не расстояние, но внешники именно по земле тащат сюда караван с оружием в обмен на… что? Здесь пока пробел, но недостаток информации – это не страшно. Будет день, будет и пища, но не это главное.

Главное то, что пропавший караван начнут искать уже сегодня, а обнаружив, примутся прочёсывать ближайшую территорию и наткнутся на заимку. Жаль избушку, очень жаль. Придётся сжечь, а так любимых гурманом Тигром реликтовых рыбок выпустить на волю.

Наткнутся муры на пепелище, вызовут внешников, прочешут округу с воздуха и, обнаружив грузовики, придут к таким же выводам, что и Платон.

А какой Платон сделал вывод? То, что база стронгов напавших на караван внешников находится где-то недалеко от места нападения, и Лика о местонахождении этой базы прекрасно знает. Потому что находится она в каком-то редко перезагружающемся лесном кластере и при этом достаточно большом, чтобы разместить в нём ангар для трёх шеститонных грузовиков и

трёх больших военных внедорожников.

Было ещё несколько нестыковок, сути которых Платон пока не понимал, а когда ты чего-то не понимаешь, то легко можешь оказаться на месте проигравших. Поэтому имперский егерь, прикинув первичные половые признаки к осязательному органу, принялся наводить порядок на загаженном пятаке, где хозяева этого мира слегка перекусили телами хозяев других миров.

Возвращался домой Платон, взяв сильного кругаля и крайне осторожно, но вокруг избушки всё оставалось пока тихо. Егерь проверил округу сканерами, но кроме Шуши, мгновенно почуявшей Платона и шлявшегося с хозяином мужа, и выскочившей из дома на улицу, никого на ближайших к заимке подступах не обнаружил.

Первым делом к девушке, так и плавающей в своих наркотически-сонных грёзах. Смена капельной системы с добавлением очередной дозы снотворного – рано Лике пока просыпаться. Очередная порция наркоты-спека, теперь с добавлением внутривенного живца (Платон ещё вчера узнал о возможности такого его приёма). И судорожные сборы всего, чего надо и не сильно надо, в Убежище.

В принципе, там есть всё, но повседневные продукты из кладовки и личные вещи надо забрать, а главное, разобрать и загрузить дедовскую самогонную систему – если уж становиться пассивным алкоголиком, то хоть хлебать качественную настойку, а не непонятно какую и кем произведённую бурду.

За это время остальные три экраноплана, повинуясь заложенной в компьютерные блоки программе, переместились на лужайку у дома, и осталось только разблокировать ворота Убежища и загнать машины в ангар. Разгружать их Платон будет потом.

Очистить от груза пришлось только личный экраноплан – на руках незнакомку и немногочисленные вещи, которые егерь забирал из избушки, не утащить. Убежище находилось хоть и недалеко, но не рядом – в недалёком отсюда овраге, по его дну весело бежит упомянутый ранее небольшой ручеёк. Дед был мужиком практичным и крайне умным: и о постоянном источнике свежей воды подумал, и о выходе на рыбное озеро (даром, что ли, зарыблял его остаток своей жизни?), и о лодках, стоящих у запасного выхода из Убежища.

Словом, работы у Платона было за гланды, и управился он только глубоко за полночь. Работал с оглядкой, периодически поднимая на полукилометровую высоту радиоуправляемый зонд, но пока никаких летательных аппаратов стационарный «Глаз» не обнаружил. В пятидесяти с копейками километрах поднимался столб дыма и уже к вечеру появился неясный шум двигателей – вот и всё, что произошло за остаток дня в округе.

В полной темноте, привычно отхлёбывая из фляжки вонючее пойло под названием «живец», Платон загрузил доверху тушками стерляди последний морозильный отсек. О вкусовых пристрастиях спасшего его сегодня лучшего друга забывать не следовало.

Электроэнергию для Убежища вырабатывал небольшой, но практически вечный ядерный реактор, с честью перенесший катаклизм перехода. Умная система контроля справилась с возникшей проблемой сама, иначе Платону даже проснуться было бы не суждено.

Впрочем, до недавнего времени у Платона Гордеева и так проблем имелось более чем достаточно. В то же время общее состояние его организма оставалось выше всяческих похвал. Голова не болела, тело не разваливалось, кожа на лице приобрела здоровый оттенок, а слабости как не бывало. Очень похоже, что вонючий местный стимулятор под знаковым названием живец работал много лучше, чем самые современные блокираторы и стимуляторы Императорского медицинского центра.

В крайний раз взглянув на фантастически чужое звёздное небо, Платон тяжело вздохнул, нажал на кнопку на личном коммуникаторе и совсем недалеко раздался приглушённый взрыв.

Очищенную от личных вещей бревенчатую избушку с обычной кухонной утварью и парой двуствольных охотничьих ружей с тремя десятками патронов с картечью и утиной дробью охватывало неспешное, хорошо видимое издалека, пламя.

Платон ещё раз вздохнул, вспомнив о вскрытой банке малинового варенья на одной из полок подпольной кладовки с остатками немудрёных деревенских закруток, и шагнул в тёмный, освещённый только тусклой аварийной лампочкой, переходной шлюз.

Бо?льшую часть дедовского варенья Платон, разумеется, упёр в Убежище. А чем ещё ему эту гадость по имени живец разбавлять?

Теперь оставалось только ждать. Если стронги сделали недалеко отсюда свою базу, значит, твёрдо знали, что их кластер в ближайшие месяцы, а то и годы не перезагрузится. А вот про свой кластер Платон теперь знал невероятное – на карте стронгов он был обозначен как самый обыкновенный стаб.

Маленький, прозрачный и беззащитный стаб. Место, которое никогда не перезагружается, а значит, у Платона и его пушистых помощников впереди очень много времени. Значительно больше, чем у муров и их покровителей, потому что этот кластер чуть менее двух суток назад перезагрузился, а перезагружается он настолько редко, что у бесконечно долго живущих здесь людей этот клочок земли обозначен как стабильная территория.

Теперь у императорского воина впереди целая вечность, и надо заполнить её смыслом, ради которого имеет смысл жить настолько долго.

Глава 4

Шесть суток промелькнули как один короткий зимний день. Наверху ночь сменяла день и наоборот. Обшаривая прозрачные сосновые леса самыми различными приборами, бессильно надрывались вертолёты взбешённых внешников. Бегали взмыленные, пинаемые своими командирами, команды муров. Натужно ревели насилуемые водителями моторы многотонных грузовиков, пулемётных внедорожников и юрких багги. Грохотали крупнокалиберные пулемёты и штурмовые винтовки, выбивая редкие стаи ошалевших от непривычного шума монстров.

Словом, поверхность жила весёлой, наполненной экстремальными занятиями жизнью, а вот глубоко под уровнем земли было тихо. Спокойно спала усыпляемая Платоном каждые двенадцать часов девушка. Беззвучно из капельной системы капало лекарство, едва слышно шелестела вентиляция да изредка шумел подогреваемый чайник.

Грыси валялись на полу в одной из комнат, ели, пили, играли, ругались – они были всё же семейной парой, (а какая семья бывает без скандалов?) да изредка подходили к работающему за компьютером Платону за дежурными поглаживаниями и почёсываниями. Лучшие друзья имперского егеря были хоть и большими, но кошками.

В процессе привычного непринуждённого общения они втроём накатили по перламутровой жемчужине, которые быстро усвоились. В животе на несколько мгновений стало горячо, а потом всё бесследно прошло.

О свойствах чёрного, красного, редкого перламутрового и ещё более редкого белого жемчуга Платон прочёл в дневнике стронгов. Странным было то, что крайне редкие перламутровые жемчужины были обнаружены им только у монстрообразного командира помощников внешников и в жилом транспорте, но ни у стронгов, ни у кого-либо из так называемых муров их не оказалось.

Платон даже покатал на языке новые для себя названия: рад-жемчуг, рад-спораны, рад-спек, рад-горох. Это были ценные ресурсы, добываемые у высших не иммунных, попавших под радиоактивное излучение. Впрочем, даже у внешников перламутровых жемчужин было всего семь штук. Платон наткнулся на них, разбирая личные вещи одного из погибших в транспортном модуле внешников.

На живец Платон своих друзей подсадил так же неожиданно, как и себя. Наутро во время приёма живца к нему сначала подвалил Тигр и принялся внимательно рассматривать флягу с этим вонючим лекарством, а затем к ним подтянулась и Шуша. Поэтому пришлось сначала вливать грысям по десятикубовому шприцу из одной из муровских фляг, а уж затем экспериментировать с различными добавками к столь неприятному алкогольному коктейлю. Причём Шуша благосклонно отнеслась к сублимированному мясному бульону из продуктового комплекта внешников, а Тигр к малиновому варенью из запасов самого Платона.

Отставной гранд-прапорщик уже раздел и разминировал внешника в боевом скафандре. Утопил повaнивающий труп в озере. Вскрыл сейфовый чемодан с хитрым таймером. Сломал таймер вместе с маяком и взрывчаткой и выкинул его на фиг.

Охренел от содержимого этого переносного сейфа. С трудом затолкал на место валявшуюся на полу нижнюю челюсть, а заодно вернул взад чуть было не вывалившиеся из глазниц зенки. Со стороны оба глаза напоминали раздвинутые на всю свою длину телескопы, и запихать их на место оказалось почти непосильной задачей, но имперский егерь справился.

После всех этих треволнений Платон запустил самогонный аппарат имени своего деда. Накатил за его здоровье живца с новыми ингредиентами и добавками. Очень даже недурственно получилось, а заходило и усваивалось организмом ещё лучше. Тигру с Шушей тоже понравилось. Впрочем, а куда им всем было деваться?

Отключил и законсервировал экранопланы. Они в ближайшие недели не понадобятся. Последнюю партию трофеев егерь оставил в грузовых отсеках – разгрузить всегда успеет.

Порадовался как ребёнок огромному количеству мужских поигрушек, пострелушек к ним, скромных, небольших погремушек и совсем немаленьких грохотушек. Удивился как похоже развивается оружейная мысль в разных мирах.

Сменил памперсы на раненой и протёр её дезинфицирующими салфетками (ежедневная процедура). Сделал девушке передвижную инвалидную коляску. Разложил в нужных местах модернизированные собственными умелыми руками поигрушки. (Сам себя не похвалишь, никто и не почешется).

И вот уже четвёртые сутки с небольшими перерывами изучал летопись одной из самых величайших подлостей этого мира – дневник командира крупного отряда мнимых стронгов.

Пискнул таймер на коммуникаторе – через десять минут простенький будильник разбудит Лику. Пора им совместно питаться. Приготовленный загодя вкусный праздничный ужин преспокойно дожидался их в кухонном автоклаве.

«Говорят, что в этом мире женщина имеет право выбрать себе любое имя… Эх!» – Платон даже огорчённо вздохнул.

А он уже почти влюбился! Вот только, как можно влюбиться в кровавого маньяка? А выглядит такой наивной девочкой! Ну, да ладно… Платон встал и направился в санитарный блок к Лике. Она уже должна проснуться.

* * *

– О! Ты проснулась? Доброе утро! Впрочем, сейчас уже вечер. Есть хочешь? – непринуждённо обратился Платон к удивлённо оглядывающей окружающую её обстановку девушке.

Егерь её понимал – заснула в крохотном бревенчатом домике, а проснулась в громадной комнате, заставленной самой современной мебелью и техникой незнакомого ей мира.

– Привет! Где это мы? Есть очень хочу. Что это за место?

– Так приступай, – Платон жестом фокусника сдёрнул салфетку с низкого столика на колёсах, заставленного всевозможными яствами. – Мы с тобой находимся в персональном противоатомном бункере высшего уровня защиты. В жилом блоке на минус восьмом этаже, – ложь лилась из Платона легко и непринуждённо.

Полчаса прошли в поглощении приготовленной Платоном еды. Неслышно подошла Шуша и, коротко приветственно муркнув, запрыгнула на кровать к девушке – заняла свою обычную боевую позицию.

За потрясающим, собственноручно приготовленным кофе Платон взял слово – пора начинать играться в словеса. В принципе, он уже знал всё, что ему необходимо, чтобы жить в этом новом для него мире, но надо поставить точку. Да и Лика может о чём-нибудь проговориться.

– Лика! У меня к тебе есть предложение, от которого ты не можешь отказаться. Предлагаю поиграть в одну интересную игру – я тебе рассказываю правду о себе и своём мире, а ты мне рассказываешь то, чего я не знаю о тебе. Так вот, я начну. Наше государство насквозь милитаризировано. Наверху, почти под самыми звёздами, живёт император, построивший систему, в которой любой гражданин имеет огромное количество прав и некоторое количество весьма

конкретных обязанностей. Одно из самых основных этих обязанностей – это обязательная служба в Императорской армии. В штурмовых подразделениях или обычных пехотных или вспомогательных, не особенно важно, если ты не собираешься занимать высокие государственные должности. Главное, что, не отслужив в армии, ты не получаешь гражданства государства, в котором родился, а не гражданином быть очень невыгодно. Просто ты никогда не получишь никакой высокооплачиваемой работы, а все услуги для тебя будут очень дорогими. Поэтому в армии служат все – и мужчины и женщины. За тем редким исключением, когда человек нужен государству на мирной службе. В этом случае он получает гражданство особым порядком. Вторая основная обязанность: в случае любой гибели гражданина или кандидата в граждане обязательное предоставление своего уже умершего тела для нужд государства. То есть если солдат погибает на поле боя, то у него изымают те части тела или органы, которые необходимы Имперским медикам. Существует Имперский банк органов и, соответственно, нет проблем с трансплантацией любых биоматериалов. Понадобилось гражданину или воину, получившему ранение – пожалуйста. Пересадка делается мгновенно. Это уже обговорено в личном договоре, условия которого подписываются персонально. Это я к чему? Вследствие всего вышеперечисленного получается, что в нашей Империи образовалась нация воинственных муров – у меня, как и у любого гражданина Империи, нет внутреннего отторжения тем поступкам, которые совершают команды муров и внешников. То есть я легко мог оказаться в их числе, но… Попав в Улей, неожиданно даже для самого себя я спасаю беззащитную девушку, которую живьём освежёвывают несколько внешне неприятных личностей. В моём мире таких нелюдей за подобные деяния в самом милосердном случае вешают без суда и следствия, но в основном без особенных затей и сомнений сажают на кол. То есть, я выступаю на стороне добра. А теперь тебе пора рассказать мне то, чего я не знаю… Эльза Кальб, уроженка Федеративной Республики Германия. Отец немец, мать этническая немка, приехавшая в Германию из Советского Союза после войны с фашистской Германией. Кстати, в моём мире войны с кайзеровской Германией никогда не было. Владеет немецким, английским и русским языками. Общий биологический возраст шестьдесят девять лет. В Стиксе одиннадцать с половиной лет. В команде Рея девять с копейками лет. Можно, я не буду зачитывать твоё досье, скрупулёзно собираемое Роном? – Лицо девушки, прежде благожелательное, перекосилось.

– Шайзе! Откуда ты всё это знаешь? Дьявол тебя раздери!

Платон усмехнулся.

– Знаешь, я с удовольствием присоединился бы к вашей команде. Благородные стронги, удачливые трессеры и уважаемые граждане стаба Колизей, имеющие в этом громадном городе дорогостоящую недвижимость. Что может быть лучше? Не правда ли? Вот только всё это не совсем так. Удачливая команда стронгов Рона и Рея, единоутробных братьев-близнецов, попавших в Улей более десяти лет назад и одновременно оказавшихся иммунными, действует обособленно и практически никогда не контактирует с другими командами стронгов. Этого мне никто не говорил – догадался сам. Это очевидно. Где работает команда, никто не знает, но братья постоянно таскают в Колизей оружие, экипировку и боеприпасы внешников и втридорога продают добычу в собственном оружейном магазине. Ну и, разумеется, суровые стронги постоянно несут тяжёлые потери, но от желающих влиться в удачливую команду отбоя нет. Поступить в команду достаточно сложно. У командира по имени Рон жёсткие условия приёма: кандидат должен прожить в Улье не менее трёх лет и обладать не менее чем двумя дарами. Неважно какими, можно и не боевыми. Странно, не правда ли? Команда уходит из стаба приблизительно на три месяца и пригоняет несколько грузовиков трофеев. Раз на раз не приходится – количество грузовиков всегда разное и не всегда это трофеи от внешников. Бывает, и просто оружие, и боеприпасы крупных калибров, но всегда не менее трёх грузовиков. Это тебе ничего не напоминает? – Платон криво усмехнулся.

– Что ты хочешь этим сказать? – выплюнула Эльза.

– Сказать я мог бы многое, но в данном случае всё просто. Команда стронгов, набрав новых людей, едет в стаб Сосновый, контролируемый сектой кваза Квазимодо. Сосновый не считается стабом муров, но людей со стороны в него не принимают. Стаб находится вдалеке от торговых путей и живёт своей обособленной жизнью. Квазимодо активно торгует с внешниками и все заинтересованные люди в стабе Колизей это прекрасно знают. Стаб Сосновый им удобен, и они втайне поддерживают его главу. Предприимчивый Квазимодо даже купил у внешников четыре транспортно-боевых модуля, которые постоянно патрулируют по близлежащим территориям стаба. Целых четыре боевых модуля! Ты представляешь? По негласной договорённости с ближайшими стабами секта Квазимодо контролирует достаточно большую территорию, примыкающую к лесным кластерам стаба Сосновый. На этой территории находятся три десятка деревень, десяток крупных посёлков городского типа и два небольших города, являющиеся в своих мирах районными центрами. Рейдовые группы стаба Сосновый выбирают из этих населённых пунктов выживших иммунных и те материальные блага, которые успевают ухватить. По

пути рейдеры отстреливают не иммунных. С этого, собственно говоря, стаб Сосновый живёт и развивается. Внешне уже в течении нескольких лет это выглядит именно так. Кроме этого, раз в полтора-два месяца эти модули в составе колонны стаба выбираются к «внешке». Внешники, разумеется, эти караваны не трогают. Те самые заинтересованные люди из стаба Колизей до сих пор считают, что рейдовые группы Квазимодо специализируются на золоте и редких металлах вообще, и предметах старины и искусства, ценящихся у внешников. И некоторое время это было именно так, пока Квазимодо не познакомился с нашими братцами-стронгами. Братья предложили Квазимодо простую и очень выгодную схему. Они набирают в Колизее людей, проживших в Улье не менее года, а то и двух-трёх лет, приводят их в стаб Сосновый и меняют на грузовик оружия и жемчуг, их Квазимодо получает от внешников. Люди, прожившие в Улье более года, ценятся внешниками значительно больше, чем иммунные свежаки, которых выгребают из быстрых кластеров рейдовые группы стаба Сосновый. И все довольны. Внешники без напрягов и траты собственных ресурсов получают ценные потроха, Квазимодо капает неплохой процент от каждого разобранного человека, а команда Рона в каждый свой приезд забирает из стаба грузовик-другой оружия, боеприпасов и снаряжения от внешников. Плюс отряд Рона считается в Колизее командой удачливых стронгов и под эту безупречную репутацию без проблем набирает в очередной рейд новое свежее мясо. Такую схему очень просто проворачивать именно в стабе Колизей. В этот центр развлечений стекается огромное количество посторонних людей и небольших сработанных команд. Безопасно отдохнуть и расслабиться в кабаках, поиграть на тотализаторах и посмотреть бои, оторваться с красивыми девочками в лучших борделях этой части Улья или закупиться редким оружием и снаряжением. Проигравшихся и потративших всё, что они накопили, огромное количество, и они берутся за любую работу. А тут сильная и удачливая команда местных стронгов, которые не гнушаются отстреливать элитников. В неё попадают лучшие, но не самые умные, потому что умные предпочитают работать самостоятельно, а у стронгов постоянно большие потери. Но кого и когда волновало исчезновение простого пушечного мяса? Да ещё и не являющегося гражданами стаба Колизей. Кроме этого, у братьев существует отдельная команда, о которой не знают ни в стабе Сосновый, ни в стабе Колизей, и база, про которую не знает никто, кроме членов этой команды. Когда муры Кинконга пытали тебя, они задавали стандартные вопросы, даже не подозревая, что ты из второго отряда Рона. Этим отрядом командует младший брат Рона – Рей. В эту команду вошли лучшие бойцы отряда и те, кто по тем или иным причинам не могут появиться в цивилизованных стабах. Все они живут на базе этого отдельного отряда. Эта база находится недалеко отсюда, иначе братья никогда не пошли бы на то, что они задумали в этот раз. Хочешь, я расскажу, что Рон и

Рей придумали, чтобы сорвать джек-пот? – Платон доброжелательно посмотрел на девушку – это было очень сложно, но он справился.

– Расскажи, – прохрипела Эльза.

– В этот раз братья продали в Сосновый большое количество рейдеров. Они вербовали их несколько месяцев, а так как репутация у команды безупречная, им верили. Понятно, что вербовкой занимались не они лично. В последние три года братья не любят светиться в обществе и даже отпустили себе длинную поросль на лицах. Для вербовки людей у них существовало несколько особо проверенных агентов. Последние несколько приездов в Колизей команда Рона помимо грузовиков с привычными всем боеприпасами пригоняла по одной бронированной машине со спаркой скорострельных автоматических орудий – дикой редкостью в любом стабе. Именно для захвата большого количества этих «швейных машинок» и вербовались новые рейдеры. В процессе ожидания основного отряда и, так сказать, обучения и боевого слаживания, они шерстили ближайшие окрестности Колизея, но не уходили из так называемых кандидатов в команду. В этот раз братья продали не только всех набранных новичков, но и тех, с кем долгое время работали в Колизее. В том числе и тех, кто вербовал рейдеров в их команду. То есть тех, кто достоверно знал их в лицо. Братья вывезли всех своих помощников под предлогом профилактики трясучки. В эту же поставку «свежего мяса» они загнали и половину своей второй команды. Квазимодо они объяснили своё решение ротацией кадров в Колизее. Якобы их помощники принялись подворовывать, и братья нашли им замену. Кроме этого братья пригнали Квазимодо полтора десятка броневиков и двенадцать самоходных машин, вооружённых скорострельными автоматическими орудиями, многократно усилив оборонительные способности стаба Сосновый. За такой жирный куш братья выставили только одно условие – оплата исключительно жемчугом и горохом. Оплату произвели не полностью. У Квазимодо просто не было такого их количества. По гороху Квазимодо не только выгреб все свои немаленькие запасы, но даже закупал его у рейдеров Колизея. Он сделал это заранее и полностью рассчитался с Роном, а вот с жемчугом случилась полнейшая засада. Закупить такое количество в Колизее Квазимодо не мог – это было бы слишком заметно, но здесь сложилось очень удачно. Внешники выделили своему партнёру недостающее количество и должны были прислать большую партию жемчуга в обычной колонне стаба Сосновый, которую вел правая рука Квазимодо – кваз Кинконг. Вот только есть одно весомое «но». В этой поставке содержался не только жемчуг братьев – бо?льшая часть предназначалась для передачи в Колизей по каналам Квазимодо. Это была оплата за поставку внешникам большой партии редкоземельных металлов и

пятидесятипроцентная предоплата за следующую поставку. Квазимодо выступал в таких сделках только в качестве посредника. Участок дороги, на котором напали на колонну, контролировала вторая команда братцев, то есть та, где была ты. Этот участок считался спокойным и полностью находился под контролем отряда Рона, поэтому Кинконг особенно не проверялся. Я всё думал, почему грузовики тех, кто напал на колонну, имеют такие же опознавательные знаки, как и грузовики в колонне? А ларчик открывался просто. Рей с пятью своими людьми должны были, пропустив колонну, присоединиться к ней на бронированных внедорожниках и во время боестолкновения ударить людям Кинконга в спину. Три внедорожника, вооружённые крупнокалиберными пулемётами в спарке с автоматическими гранатомётами – это серьёзная заявка на победу в подобной стычке. Кроме этого, младший брат и его бойцы были максимально прокачанными клокстопперами и обладали ещё несколькими боевыми дарами каждый. Свои грузовики братья забрали бы после разгрома колонны и уехали на них тогда, когда шумиха, вызванная нападением, уже закончилась. Это в том случае, если им не удалось бы убраться сразу – на знакомые грузовики никто не обратил бы особенного внимания. Хорошая задумка. Очень хорошая. Вот только всё пошло не по плану братьев по трём причинам. Первая. Вместо транспортов, которые принадлежали клану Сосновый, внешники прислали свои модули – медицинский и транспортно-боевой со слаженными командами внутри и новыми автоматическими орудиями, которые, как я думаю, Квазимодо никогда не продавали. Внешники скинули в Сосновый старые модели транспортов с устаревшими орудиями, но никто об этом даже не догадывался. Ведь внешне транспорты были одинаковы, а эти «устаревшие орудия» всё равно много лучше любого оружия, которым на сегодняшний день вооружены стабы. Муры Кинконга двигались на своих машинах, по пути нахватав ещё с полсотни бедолаг из только что перезагрузившегося быстрого кластера, а транспорты Соснового остались на патрулировании границ территории, контролируемой рейдерами Квазимодо. Поэтому со стороны подмены никто не заметил. Вторая и основная причина заключается в том, что младшего брата с его бойцами убил молодой элитник, обладавший невидимостью или очень эффективной маскировкой. Они были хорошими боевиками, но сенсора среди них не имелось. Я пока плохо разбираюсь в классификации даров, хотя совсем недавно прочитал о них очень многое в дневнике Рона, но всё было именно так. Пропустив колонну, Рей опознался с Квазимодо по рации и передал сведения брату. Затем он включил прибор, глушащий радиосигналы и стоящий на заднем сиденье его внедорожника. А потом их всех убил элитник, и напавшая на колонну Кинконга группа Рона оказалась без поддержки. Рассматривая засаду и составляя схему нападения на колонну, я долгое время не мог понять, чего в ней не хватает и, только увидев

ваши грузовики, внедорожники и погибших бойцов Рея, понял, что в ней было неправильного. В засаде боевиков Рона не хватало подлого удара в спину. Впрочем, в искусстве войны это называется военной хитростью. Три бронированных внедорожника Рона вы тоже сожгли бы вместе с колонной. Они были заметные – на них стояли крупнокалиберные пулемёты в спарке с автоматическими гранатомётами, переделанными под реальности Улья. Эти гранатомёты стреляли термическими гранатами, прожигающими даже броню не слишком развитой элиты, а уж защиту руберов, кусачей и топтунов пробивали на раз-два. В этом случае Квазимодо счёл бы, что Рон с братом и своими бойцами погибли вместе с колонной. Похожие по телосложению трупы братья сожгли бы вместе с внедорожниками. И всё. Колонна разграблена и уничтожена, братья погибли со своим отрядом, а неизвестные рейдеры, хапнувшие беспрецедентно богатую добычу, затерялись в лесах. И никто и никогда бы не догадался, что отряд Рона сидит прямо под носом у рейдеров Квазимодо и внаглую обманутых внешников. Я был приятно удивлён, когда нашёл в одном из грузовиков портативный бронированный компьютер, принадлежащий Рону. Он был старше Рея всего на несколько минут, но, тем не менее, считался старшим братом. Братья вели досье на каждого своего человека и описывали все операции, которые проводили, тщательно анализируя их. Вход в портативное устройство не был зашифрован – братья ничего не скрывали друг от друга. Поэтому я знаю о вас всё. Третья причина – это моё появление, и я могу раскрыть конечную задумку братьев, но в обмен на ответную услугу. Я могу доказать свои слова, показав тебе видео того самого элитника и его стаи, которых я убил на месте разгромленной колонны, и видеозапись останков Рея с бойцами на месте их стоянки.

– Покажи, – ошеломлённо прошептала Эльза, и Платон включил видеозапись, транслируемую на большой, во всю стену, экран.

Штатный видеофиксатор прилежно записал всё, что происходило с имперским егерем в течение последних семи суток. Вследствие чего и «предводитель дворянства» со своими товарищами, и их бесславная кончина были запечатлены во всей своей неприглядной красе. Разумеется, Платон сделал подборку особенно интересных видеосюжетов, а не показывал полную запись, но в их подлинности не оставалось никаких сомнений.

– Что же задумали эти ублюдки и что ты хочешь? – просмотрев последний кадр, спросила быстро справившаяся со своими эмоциями девушка.

– Как тебе сказать, чтобы не обидеть? Задумано всё было действительно грамотно. Ограбив колонну, вы ушли бы на свою промежуточную базу и затихарились, а на месте нападения остались бы трупы тех самых бедолаг, которых боевики Кинконга везли в грузовике. Я думаю, что этих людей насобирали с подачи одного из братьев или кого-то из их людей. Муры набрали только мужчин, но ни женщин, ни стариков, ни подростков среди них не было. Это я отметил ещё на дороге, когда осматривал колонну. Грузовики каравана вы собирались сжечь, а трупы – это только трупы и более. Они уже ничего и никому не расскажут. Такое количество народа вполне подошло бы под описание «пришлая команда рейдеров». Пока вы все сидели бы в своём убежище, с большинством из вас, и в первую очередь с тобой, произошёл бы несчастный случай – пищевое отравление. Впрочем, можно было бы и не заморачиваться с испорченными продуктами или ядом, и просто-напросто перебить ставших ненужными членов команды. Ты ведь считалась девушкой Рона. Так сказать, была его официальной фавориткой и делала всё, чтобы остаться таковой. Хитрый Рон доверял тебе самую кровавую работу. Поэтому ты никогда не пройдёшь ментата, а все остальные приближённые к командиру отряда бойцы прекрасно его проходили. Просто потому, что это ментат, которому Рон платит, и платит очень щедро. Оплата за каждый проход в Колизей – чёрная жемчужина. Вот только у Рона уже давно есть другая официальная фаворитка, которая перед отъездом команды из Колизея перевела всю недвижимость, принадлежащую братьям, на себя и своих доверенных людей. Потому что братья с несколькими друзьями обратно не вернутся и собираются перебираться в стаб Лас Вегас. Я потом покажу тебе фотографии новой пассии и с недавнего времени доверенного человека Рона в стабе Колизей.

– Так прямо и в Лас-Вегас! Это же у самой внешки и в этом стабе не спрячешься, – возразила Эльза.

– Во-первых, в Лас-Вегас необязательно перебираться надолго. В нём можно просто пересидеть какое-то время и при этом поменять данные мнемокарты. А во-вторых, братьям и тем, кто должен был уйти с ними, совсем необязательно было скрываться. У братьев отмечено несколько стабов, через которые проходят маршруты торговых караванов. В двух из них предприимчивые братцы купили себе дома с участками земли. Они могли даже остаться гражданами стаба Колизей со своими мнемокартами. Просто все сделали бы себе пластические операции, изменили внешность и в одном из новых для себя стабов точно так же, как и в Колизее, подкупили ментата. Эту проблему братья уже наверняка решили. Иначе уход не имел бы смысла. Пластические операции они собирались сделать себе именно в стабе Лас-Вегас и засветиться в нём со своими новыми

лицами перед большим количеством пришлого народа. Я думаю, что какая-либо из этих схем должна была сработать. Братья изобразили такой сложный финт ушами совсем не ради любви к искусству. Им необходимо было время для адаптации. Для большинства жителей Колизея команда братьев просто ушла в рейд и пропала, а для Квазимодо Рон с братом должны были погибнуть. И концы в воду. А дальше братья спокойно бы жили с репутацией уважаемых граждан нового для себя стаба. Они ведь сами не контактировали с мурами и внешниками. Всё это делал Квазимодо. Им даже особенно врать бы не пришлось, – Платон сделал небольшую паузу – чтобы Эльза обдумала услышанное.

– Так всё же, что тебе от меня надо и что я получу взамен? – прямо спросила Эльза после некоторого перерыва.

– Всё, что знали братья. Все их базы и известные тебе схроны. Все места, где они затаривались боеприпасами и техникой, но в первую очередь место, где они собирались отсидеться. Судя по всему, это место не отмечено на карте. Взамен ты получишь спокойную жизнь в комфортабельном стабильном поселении и должность моего бессменного заместителя, – спокойно сказал Платон.

– И где же есть такой стаб, ментат которого меня пропустит? – язвительно спросила девушка.

– Здесь. Это Убежище и есть тот самый стаб, в котором ты можешь чувствовать себя в полной безопасности. И в этом стабе пока не обязателен ментат. Дело в том, что на карте Рона это место обозначено как небольшой стаб у лесного озера, но это оказался медленный кластер. Настолько медленный, что все окружающие его люди считали этот клочок земли стабом. Но несколько дней назад мнимый стаб перезагрузился и в мире Стикса появился я вместе с Убежищем и всем его хозяйством. А потом братья и внешники подарили мне целую гору оружия, боеприпасов и жемчуга. Теперь либо ты со мной, либо я сам пройдусь по карте братьев и отыщу их нычки. И торопиться мне не надо – в этом Убежище можно жить бесконечно долго, выбираясь только для профилактики трясучки. Запасов этого бункера хватит для проживания сорока человек в течение тридцати лет. Я сам занимался комплектацией этого бункера. На момент перезагрузки Убежище было полностью готово к эксплуатации. Здесь даже стоит законсервированный портативный ядерный реактор. Его энергии хватит на сто пятьдесят лет. У Рона в компьютере действительно ценный архив. В нём описаны не только сотни даров Улья и все те монстры, которые

встречались братьям в течение всей их поганой жизни в Стиксе, но и отдельно выделены симптомы трясучки. Симптомы и последствия этой необычной лихорадки Стикса. Так что у меня есть всё, что мне необходимо, кроме помощников. Я буду с тобой более откровенен. Даже если ты каким-либо способом убьёшь меня, ты никогда не выйдешь с этого уровня и просто умрёшь здесь от голода или от трясучки. Ведь любому из нас надо периодически покидать своё место жительства и гулять по ближайшим кластерам, а для того, чтобы дверь Убежища открылась, надо ввести очень сложную комбинацию символов, распространённых только в моём мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shmaev_valeriy/s-t-i-k-s-luchnik-svezhak

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить